

Родриго Кортес

Надломка

Ни она, ни он не в силах
сдерживать свои темные
неукротимые страсти.
Их противостояние
предопределено свыше.
И они счастливы.

Родриго Кортес

Пациентка

«Научная книга»

2006

Кортес Р.

Пациентка / Р. Кортес — «Научная книга», 2006

Что таится в темных глубинах ее подсознания? Что заставляет эту женщину оставлять спокойную, размеренную жизнь и совершать поступки, граничащие с безумием? Никто не в силах угадать, когда, повинаясь какому-то властному инстинкту, эта заложница своих неукротимых страстей вновь ввяжется в головокружительную авантюру, в которой так легко перейти грань между жизнью и смертью. А когда на ее пути встречается такой же одержимый, опасная игра становится еще острее. А потом – блаженное опустошение, умиротворенность, полный покой. Но лишь до тех пор, пока из неведомой мрачной бездны не раздастся призывный, неумолимый зов...

© Кортес Р., 2006

© Научная книга, 2006

Родриго Кортес

Пациентка

© ООО «Издательство «Эксмо», 2006

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Салли не везло уже второй месяц. С середины февраля 1968 года он каждый божий день аккуратно перепроверял все свое снаряжение – шило, тщательно отточенную опасную бритву из хорошей немецкой стали, кусок скользкой нейлоновой веревки с крупными узлами на концах, прочный полиэтиленовый пакет – и старательно укладывал все на свои места: шило под сиденье водительского кресла, веревку и пакет в бардачок, а бритву под старый резиновый коврик с пассажирской стороны автомобиля. Его пусть и небогатый, но впечатляющий опыт говорил, что ангел мщения должен быть готовым ко всему.

Эти шлюхи и впрямь порой вытворяли такое, что Расскажи кому – не поверят. Уже самая первая его... еще дома, в Миннесоте, – Салли болезненно крикнул, таким ярким было воспоминание, – даже она – пьяная вдрызг, едва до нее дошло, что греха между ними не будет и вот-вот придется платить по счетам, мгновенно протрезвела, разбила пивную бутылку и совсем коротким – не больше трех дюймов – горлышком порезала Салли и грудь, и руки, да так основательно, что врачам пришлось наложить восемнадцать швов.

– Шлюха вавилонская... – пробормотал Салли и промокнул рукавом взмокший лоб.

Он потом специально ездил на это место, но понять, обо что эта тварь умудрилась разбить крепкую, как деревянная колотушка, бутылку, так и не сумел. Куда ни пойдешь, всюду земля на веселенькой, густо заросшей цветами поляне была удивительно мягкой, без единого камня или корня.

Вторая, – а это было в Нью-Джерси, – уже с шилом в спине и полиэтиленовым пакетом на голове, как-то успела заехать ему ногтем в правый глаз, и с тех самых пор глаз постоянно слезился и болел.

И только с третьей, уже в Канзасе, господь вмешался и явил свою силу. И вот тогда все прошло как надо. Салли настолько заморочил ей голову, что даже когда он вытащил эту дуру из машины и бросил на четвереньки, она все еще думала, что это – продолжение игры.

Нет, потом, конечно, были и слезы, и крики, но наступил миг, и даже этой глупенькой шлюхе стало понятно, с кем она имеет дело... И вот тогда она сделала все, что он только мог вообразить: выла на луну, изображала из себя маленькую, но очень резвую пони и даже лизала ему ботинки – лишь бы пожить еще...

Салли прищурился и затаил дыхание, удерживая вспыхнувшую перед его мысленным взором картинку, но сзади отчаянно прогудел грузовик, и он вздрогнул, резко вывернул руль и прижал автофургон к обочине.

После этой третьей – самой лучшей – везение как отрезало! Салли ничего не понимал, господь словно потерял к нему всякий интерес, и бабы не только отказывались садиться в его машину, они даже не подходили к нему! Стоило Салли ущипнуть какую-нибудь девку за попку или сказать подходящий случаю комплимент, как она или закатывала истерику, или, еще хуже, окидывала сверху вниз таким уничижающим взглядом, что ему становилось нехорошо.

Салли был терпелив и настойчив. Он долго и упорно молился, а затем переехал в Хьюстон, штат Техас, и устроился на работу на самое лучшее место, какое нашел, – на автозаправку.

Здесь этих чертовых шлюх останавливалось без счета – выбирай любую! Да и хозяин, молчаливый, коричневый от загара грек, против регулярных вечерних отлучек самого безотказного своего работника не возражал. Но масть не шла – этих блудливых девок буквально выворачивало наизнанку после первого же его слова.

Но и тогда Салли не сдался. Он аккуратно записал за механиками и наизусть выучил восемь самых интересных анекдотов – почти на каждый случай. Он выбегал к каждой останавливающейся на заправке машине, успевая и протереть стекло, и подкачать спустившее колесо, и принести из хозяйского магазинчика заказ – вдвое быстрее, чем кто-либо еще. Он вызывался лично и совершенно бесплатно показывать дорогу заплутавшим. Он выучился надежно прятать свои истинные чувства и выглядеть таким, как надо, – хоть вежливым, хоть развязным... и даже крутым, – они ведь любят крутых. Без толку!

Он опустился до того, что часами мотался по дорогам, забирался аж в Сан-Атонио и даже еще дальше и все свободное время дежурил возле тамошней кондитерской фабрики, выглядывая тех, кто опоздал на автобус, или задержавшихся на извечной сверхурочной работе колумбиек и пуэрториканок. И все равно, каждый раз, едва очередная девка, отозвавшись на его зазывную шутку, заглядывала вначале в машину, а затем в его глаза, происходило одно и то же: дверка захлопывалась, а проклятая шлюха презрительно разворачивалась к нему своим грешным задом.

Второй месяц! Бог мой! Уже второй месяц подряд господь не посылал ему ни одной чертовой шлюхи...

* * *

Автофургон завершал шинами по бетонке и ткнулся колесами в бордюр – так резко, что Нэнси едва успела отскочить.

– Садись, крошка, подвезу!

Нэнси вспыхнула, презрительно фыркнула, но на всякий случай огляделась по сторонам, и, само собой, кроме себя – крашеной блондинки тридцати двух лет, – ни единой «крошки» в пределах видимости не обнаружила.

Дверца фургона заскрежетала и распахнулась.

– Ну? Прыгай!

Голос был ненатурально жизнерадостный и какой-то натужный. Нэнси секунду помедлила, с независимым видом тряхнула волосами и все-таки склонилась к приоткрытой дверце. Водитель оказался грузным, рыхлым парнем с беспрерывно бегающими водянистыми глазами и странными шрамами на обеих кистях. По спине у Нэнси пробежал противный холодок.

– Вы – меня?..

Водитель дружелюбно, как для фотографии, оскалился и хитро подмигнул.

– А кого еще здесь можно... подвезти?

В лицо Нэнси бросилась кровь. Бог – свидетель, ей это практически непристойное лихачество в мужчинах никогда не нравилось. Она снова огляделась по сторонам. Белое в сиреневых весенних сумерках шоссе было пустынным.

– Давай, крошка, садись, лучше меня все равно не найдешь! – то ли прогоготал, то ли прокудахтал водитель и два-три раза призывно газанул.

Нэнси поджала губы, прижала сумочку к животу и все-таки втиснулась в пыльный салон. До следующего автобуса оставалось еще часа полтора, и торчать на остановке все это время не хотелось.

Парень кинул на нее быстрый оценивающий взгляд, клацнул рукоятью передач и сразу же утопил педаль газа до упора. Машина рванулась вперед, Нэнси вжало в сиденье, а в ее

животе возник маленький горячий комок, – она уже чувствовала, насколько гадкие ощущения вызывает эта ковбойская манера езды.

– А я тебя здесь раньше не видел! – перекрывая рев старого двигателя, почти прокричал водитель. – Где работаешь? На кондитерской?

Нэнси, уклоняясь от ответа, мотнула головой и с тревогой прислушалась к себе. Внутри все буквально пульсировало от нехороших предчувствий.

– Я-то здешних всех знаю! Особенно таких, как ты, – блондиночек! – вновь прокричал водитель и плотоядно усмехнулся. – И с кондитерской, и с табачной! Меня Салли зовут, а тебя?

Нэнси отвернулась и, чтобы не видеть этой мерзкой усмешки, прикусив губу, уставилась в окно. Мимо неслась бескрайняя, покрытая редкими пятнами весенней травы равнина.

– Чего такая злая?! – все с тем же натужным ухарством поинтересовался водитель, на секунду задумался и словно вспомнил, что нужно сказать: – Или муж давно не залазил? Го-го-го!

«Кретин!» – стараясь не слушать неприятный кудачущий смех, подумала Нэнси.

– А ножки-то у тебя ничего!

Нэнси вздрогнула, оторвалась от созерцания вида за окном и уставилась на свои бледные подрагивающие от напряжения колени. Она изо всех сил старалась не вникать в то, что почти безостановочно говорит водитель, но сама же понимала, что этим от его навязчивого внимания не отделаться. А он все говорил и говорил. Рассказал такой же мерзкий, как он сам, анекдот, затем поведал о том успехе, которым он пользуется, и в конце концов парня окончательно понесло.

– Мне бабы так и говорят, у тебя, Салли, инструмент – дай бог каждому! – как сквозь туман донеслось до нее. – Кто раз попробует, уже другого не захочет!

Нэнси вжалась в сиденье. Горячий комок переместился вверх, в самый центр груди, а сердце колотилось, как маленький отбойный молоточек.

– Ни одна в претензии не осталась!

Нэнси сжала сумочку еще крепче, так, что побелели пальцы, как вдруг машина подпрыгнула и нырнула в кювет, Нэнси прижало к грязной, залапанной дверце, а линия горизонта накренилась и поползла влево и вверх.

– Тебе понравится! – пересиливая грохот мчащегося по бездорожью старого металла, возбужденно хохотнул водитель. – Обещаю!

По спине у Нэнси промчалась мощная ледяная волна, и нервный озноб заполонил ее всю – от взмокшего под линией прически лба до кончиков пальцев на ногах. А потом съехавший с дороги автофургон резко встал, и наступила такая тишина, что Нэнси отчетливо услышала ворчание перегретой воды в старом радиаторе – там, впереди – и биение крови в своих висках.

Парень издал мерзкий чмокающий звук, щелкнул ключом зажигания, и в кабине воцарилась тьма.

– Ну что, позабавимся? – властно положил он руку на ее колено.

Во рту у Нэнси моментально пересохло, а держащие сумочку руки мелко затряслись.

– Иди ко мне... – пододвинулся парень. – Тебе понравится.

Нэнси покрылась испариной, а по всему телу – снизу вверх – промчался горячий пульсирующий вал. Она с усилием глотнула и, уже чувствуя шарящие под юбкой большие влажные ладони, вдруг вспомнила свою давнюю подругу Бетси.

В голове сразу прояснилось. Нэнси сунула руку в сумочку, нащупала металлический футляр губной помады, судорожно выдернула его и сунула парню под ребра.

– Не стоит, Салли... пристрелю.

Парень приостановился и недоуменно хмыкнул.

– Не понял. Ты чего?.. Чего это?

«Неужели поверит?»

Нэнси облизнула пересохшие губы и медленно, почти по слогам произнесла:

– Это «беретта», Салли... И я скажу... что это... была самооборона. Ты все понял?

Кромешная тьма не позволяла ей увидеть его лицо, но запущенные под юбку большие сильные руки мгновенно отдернулись назад.

– Ты чего, совсем, что ли, спятила? – осипшим от испуга голосом спросил парень. – Уж и пошутить нельзя? – Нэнси дождалась, когда он отодвинется, быстро сунула руку в сумочку и развернулась к нему вполоборота – так, чтобы донышко спрятанной внутри сумочки губной помады смотрело прямо ему в бок.

– Заводи машину, Салли.

Водитель щелкнул ключом зажигания, в кабине вспыхнул неяркий свет, и Нэнси увидела, как по его одутловатым, а теперь еще и белым как снег щекам градом катится пот.

– Вот ненормальная... шуток не понимает...

– Выезжай на дорогу и вперед, – хрипло распорядилась Нэнси.

Парень бросил в сторону сумочки панический взгляд, по-детски обиженно шмыгнул носом, клацнул рукояткой передач, и машина вздрогнула и поползла обратно к дорожному полотну. А Нэнси прислушалась к себе и отметила, что охватившее все ее существо торнадо эмоций стремительно сворачивается до размеров уходящей из умывальника водяной воронки.

«И что теперь? Сдать в участок? – пронеслось в голове. Она исподтишка глянула на водителя; тот все еще был напуган и вращал баранкой с отчаянием обреченного на казнь. – Нет, пожалуй, не стоит...»

Автофургон с ворчанием выбрался на дорогу и, дребезжа старым разболтанным железом, помчался вперед. Нэнси тихонько вздохнула и украдкой смахнула неожиданно-негаданно выступившую слезу.

* * *

Впервые она попала в подобную ситуацию как раз вместе с Бетси – еще когда училась в старших классах, в 1953 году. Ей тогда было семнадцать, ее подруге – на полгода больше, но сообразить, что садиться в машину к двум празднующим свое возвращение с далекой корейской войны сержантам не стоит, ни той, ни другой ума не хватило. Они казались такими... надежными.

Ребята и впрямь выглядели старше и серьезнее своих сверстников, а поблескивающие на мундирах одинаковые медали и вовсе ставили их в один ряд с героями Гражданской войны и прочими отцами нации. Но когда вино было выпито, бутерброды съедены, а увезенные к реке девочки, тем не менее, к большему, чем флирт, оказались не готовы, все переменялось – в один миг.

– Сука! – озверел тот, что выбрал себе Бетси, и сердце у Нэнси сжалось. – Шлюха! А ну-ка иди сюда, дрянь!

Бетси сопротивлялась, и он с размаху ударил ее растопыренной ладонью в лицо, схватил за треснувшую на спине блузку и волоком потащил прочь, к зарослям терна. Нэнси удивленно моргнула, проводила их недоумевающим взглядом и резко развернулась к «своему»:

– Майк! Ты чего сидишь?! Смотри, что он делает!

– Сами разберутся, – недобро усмехнулся Майк, и до Нэнси вдруг дошло, что и ее ждет то же самое.

Кожа на ее голых по весеннему времени руках покрылась мурашками, мелкие светлые волоски поднялись дыбом, и едва она осознала, что абсолютно не понимает, что следует делать, как заросли терновника дрогнули, и оттуда появилась Бетси... и ее «ухажер».

Крепкий, как дерево, коричневый от корейского солнца ветеран двигался к ним... на коленях – шаг за шагом... шаг за шагом. А залитая текущей из разбитого носа кровью Бетси одной рукой держала его за выгоревший чуб, а второй плотно прижимала к веку чайную ложечку – ту самую, которой только что ела десерт.

– Ключи! – срывающимся на плач истерическим голосом потребовала Бетси. – Быстро! Отдай моей подруге ключи!

– Ты чего, сдурела? – привстал Майк. – А ну, отпусти его!

Бетси стиснула зубы и легонько нажала ложкой на веко.

– А-а-а! С-стерва! – заорал заложник. – Отдай ей ключи, идиот! Ты чего, не видишь?!

Майк судорожно полез в карман. Вытащил ключи от машины и швырнул их на расстеленное на траве покрывало.

– Нэнси! Хватай ключи и быстро в машину! – визгливо приказала Бетси и зло пихнула заложника в спину коленом. – А ты только дернись, гад!

– Отпусти-и, стерва! – застонал тот.

Нэнси схватила ключи, метнулась к машине, дважды упала и все-таки забралась внутрь. Трясущимися руками завела, настежь распахнула вторую дверь для Бетси и, едва та отпихнула от себя парня и запрыгнула на сиденье, отпустила тормоз.

– Сте-ервы! – заорал им вслед сержант. – Я вас из-под земли достану, шлюхи-и...

Нэнси показалось, что ее сердце колотится где-то в горле.

Лишь когда они отъехали мили на полторы, она поверила, что все закончилось. Остановила машину возле моста, и вот тогда начался «акт второй». Лихорадочно дрожащая Бетси пошарила в бардачке, отыскала огромную тяжелую отвертку, мстительно вырвала из панели роскошный радиоприемник, а затем начала терзать и крушить все вокруг – от кожаных сидений до лобового стекла.

– Будут знать, с кем связались, недоноски! – сквозь зубы процедила она. – Они меня еще попомнят!

А потом крушить стало нечего, и Бетси выронила отвертку и заплакала, а Нэнси поймала себя на странном, двойственном ощущении – глубокой благодарности этой сумасшедшей девчонке и необъяснимого сожаления, какое бывает, когда тебя вытаскивают из зала посреди сеанса невероятно захватывающего кинофильма.

* * *

На подъезде к маленькому городку со странным названием Сегин водитель начал помаленьку сбрасывать скорость и – Нэнси видела это – стал понемногу отходить. Толстые волосатые пальцы уже не сжимали руль до побеления костяшек, а на лбу даже появились напряженные, выражающие сосредоточенность морщины. Но главное, он уже два или три раза порывался нарушить молчание... и каждый раз не решался.

«Да, я тогда здорово сожалела... – снова вспомнила свои чувства пятнадцатилетней давности Нэнси и едва удержала мечтательную улыбку. – Все, Нэнси! Хватит! Не заводись! Как бы о чем другом пожалеть не пришлось...»

Она отметила взглядом первые уличные фонари, затем – первую городскую заправку, а когда впереди показались первые дома, подрагивающей от напряжения рукой развернула зеркальце заднего вида к себе и все-таки достала из сумочки зажатую в пальцах губную помаду.

Боковым зрением Нэнси видела, как он дернулся, когда она стала вытягивать спрятанную в сумочке руку... и это было необыкновенно приятно. Едва коснувшись губ и сделав вид, что на этом ее макияж закончен, Нэнси с удовольствием отметила, что впереди показался полицейский пост, повернулась к водителю и, едва сдерживая чувственную дрожь в голосе, через силу улыбнулась.

– Что, испугался, Салли?

Водитель поджал губы и, сосредоточенно глядя вперед и как бы ничего не слыша, моргнул.

– Не было никакого пистолета, Салли, – набравшись духа и как можно язвительнее улыбнувшись, покачала она головой. – А ты... сразу назад... Разве так можно?

Салли еще раз моргнул, а потом как-то весь, от шеи до педали газа, напрягся и начал быстро наливаясь кровью. Но выдать слова из себя пока не мог.

– Правильно, Салли, – удовлетворенно кивнула Нэнси. – Я бы на твоём месте тоже помалкивала. Обделался, как мальчишка!

Салли невнятно рыкнул и тут же смолк и густо покрылся бисеринками пота. Он тоже увидел дорожный полицейский пост впереди и мгновенно сообразил, что сейчас не место и не время обижаться. Тем более что полицейский уже властно поднял жезл, приказывая остановиться.

– И твоя судьба, Салли, в моих руках... – деловито, но без тени угрозы в голосе, завершила Нэнси.

– Ты ничего не докажешь, – процедил сквозь зубы водитель, и было видно, как все его существо противится этой невозможной, противоестественной для парня ситуации.

Автофургон встал, Салли заглушил мотор и дрожащими руками полез в нагрудный карман за документами.

– Ваши права, – деловито наклонился патрульный.

– Д-держите, офицер.

– А кто это с вами?

– П-попутчица, – дернул кадыком Салли.

Нэнси чувствовала его страх всем своим существом. Он возникал там, внизу, и медленно двигался вверх, опьяняя разум и почти лишая дара речи. Она представила, как бы он перепугался, случись ей заявить свои претензии прямо сейчас; как бы кинулся все отрицать, а потом, возможно, даже стал бы на нее орать или совать деньги... но нет, ей это было не нужно.

– Проезжайте, – вернул права полицейский. – Доброго пути.

– Спасибо, офицер, – вместо Салли улыбнулась Нэнси. – Вы очень любезны.

Водитель скосил на нее затравленный взгляд и, дождавшись, когда полицейский отвернется, потихоньку тронулся вперед. Он был буквально раздавлен страхом.

«Сейчас... – думала Нэнси, мысленно оценивая, на сколько десятков футов они отъехали от поста. – Еще немного, и можно будет начать... еще совсем немного... еще... немного еще... Пора!»

– Да-а... – словно что-то вспомнив, развернулась она к мокрому от пота водителю. – Ты же меня не дослушал...

Тот судорожно утерся рукавом. Нэнси собралась в комок.

– На самом деле мне очень жаль, что у нас ничего не получилось.

Шины отчаянно заверещали, и Нэнси бросило вперед, а фургон встал как вкопанный. Но в ее сторону водитель смотреть пока не рисковал.

– Н-не понял, – уставясь прямо перед собой, недоуменно произнес он. – А ну-ка, повтори...

Нэнси бросила на парня быстрый оценивающий взгляд и, с трудом преодолевая сладострастные позывы изнутри, как бы смущенно склонила голову.

– Скажи, Салли, а это правда?

– Что правда? – непонимающе моргнул парень и медленно повернулся к ней.

– Ну-у... то, что ты говорил про свой... ну... инструмент...

Салли тряхнул головой и откинулся на спинку сиденья.

– Слушай, ты! У тебя с головой все в порядке?

– А ты как хотел? – почти искренне обиделась Нэнси и вдруг мгновенно ощутила всю силу своей власти. – Как корову? Я не знаю, как там эти соплячки с кондитерской, а лично я так не могу! Даже если парень мне понравился.

Салли сосредоточился. Нэнси буквально видела, как за толстыми черепными костями медленно шевелятся его незатейливые похотливые мысли.

– И что теперь? – напряженно развернулся он к попутчице всем корпусом. Если бы не желание распять ее на пыльных сиденьях, он бы сломал ей челюсть. Точно.

Нэнси замерла. Шквал эмоций снова заполонил ее всю – от копчика до кончиков намагниченных ногтей, а сердце заколотилось так сильно, что казалось, еще немного, и оно разобьется о грудную клетку.

– У тебя резинка-то есть? – облизнула она пересохшие, отдающие карамелью губы.

«Господи! Хоть бы не было!»

Салли растерянно моргнул. Похоже, этот вопрос застал его врасплох.

– Тогда – в аптеку, – преодолевая клацанье зубов, жестко распорядилась она. – И побыстрее! Ты и так слишком долго соображаешь!

Водитель заиграл мощными желваками и тряхнул головой.

– Ну ты и шлюха!

«Пронесло!» – поняла Нэнси и победно усмехнулась.

– Поэтому со мной и слаще.

Салли некоторое время молчал, затем в сотый раз, наверное, за поездку по-детски обиженно шмыгнул носом и воровски оглянулся – на полицейских. Завел машину, тронулся и, лишь потеряв дорожный патруль из виду, добавил газа и помчался по улицам, выглядывая неоновую вывеску с нужной надписью. Через три квартала увидел, резко затормозил и снова развернулся к ней.

– Ты это как... правда?

– А ты как думаешь? – уже окончательно взяв себя в руки и войдя в роль, зло бросила она. – Давай, Салли, быстрее! Я ведь тоже не железная!

Он замер, и внутри у Нэнси словно брызнул и заискрился всеми цветами радуги фейерверк. Азарт и доводящее почти до безумия желание поскорее довести игру до ее наивысшей точки захлестывали Нэнси с головой.

– Я сейчас, – насупившись, буркнул Салли и выскочил на дорогу. Он метнулся к аптеке и влетел в светящуюся неонем стеклянную дверь.

И тогда Нэнси шумно выдохнула и стремительно перебралась на водительское место. Призывая Иисуса в помощники, клацнула ключом зажигания и через пару невероятно долгих секунд утопила педаль газа до упора.

* * *

Она заглушила двигатель на следующей автостанции. Тщательно осмотрела бардачок, обшарила брошенную на заднем сиденье куртку и с удовлетворением выгребла из карманов пятьдесят четыре доллара и семьдесят пять центов. Заглянула в кузов и с удивлением отметила, что он доверху забит стопками карманных, скорее всего, сворованных этим недоноском Библий. Закрыла дверцы на ключ, зашвырнула ключ в кусты и, стуча каблуками, побежала в кассу покупать билет на автобус. Сегодня мужу выпало дежурство в управлении городской полиции, а значит, не позже чем в одиннадцать вечера он появится дома – злой и голодный.

* * *

Когда Салли, почуяв неладное, выскочил из аптеки, его машина уже вырулиwała на западное шоссе. Он ошеломленно проводил дребезжащий металлом фургон взглядом и, все еще не веря в то, что произошло, сделал несколько шагов и замер.

– Подожди... – растерянно пробормотал он. – Как же так?.. – И вдруг озверился: – Шлюха! Тварь!

Сердце мучительно закололо, перед глазами поплыли яркие разноцветные круги, и Салли застонал и тяжело осел на ближайшую скамейку. Терпеливо переждал приступ и лишь тогда заметил, что так и держит в руках купленную исключительно для того, чтобы успокоить эту стерву, пачку презервативов. Зло швырнул ее в урну, стиснул зубы и закрыл руками лицо. С минуту посидел и как-то исподволь осознал, что никогда и никого не хотел наказывать так сильно, как эту блондинку. Никогда и никого!

Салли вздохнул, откинулся на спинку скамьи и принялся усиленно вспоминать, как у него все прошло с третьей, там, в Канзасе. Обычно это помогало успокоиться. Но, странное дело, теперь все, бывшее прежде, казалось ему пустой тратой времени – как будто не жил.

– Чертова шлюха... – болезненно пробормотал он и вдруг ясно осознал, что это наверняка произошло неспроста, и господь, скорее всего, специально испытывает его, как испытывал, например, проданного братьями в рабство Иосифа. Возможно, лишь для того, чтобы указать новый, более правильный путь...

Салли тяжело поднялся со скамьи, добрел до угла, завернул и тронулся прямо по западному шоссе – все быстрее и быстрее. Он знал, что эта стерва все равно понесет заслуженное возмездие – раньше или позже. Но для этого они сначала должны были встретиться. Пусть через неделю, через две или даже через месяц.

* * *

Нэнси успела домой в последний миг. Едва она сунула цыпленка в духовку и, отогнав детей от телевизора, настрогала салата, как появился Джимми.

– Бергман снова давит, – мрачно сообщил он прямо с порога и бросил форменную полицейскую куртку на кресло. – Замучил уже, старый пень.

Нэнси стремительно поставила на стол тарелку с салатом, уложила рядом вилку, ложку и блюдо с двумя кусочками хлеба и села с торца стола – слушать.

– Я ему и говорю: а что я могу? – Джимми вразвалочку подошел к раковине и сполоснул руки. – Если эти лоботрясы хотят колоться, они и будут колоться – хоть что с ними делай!

– Садись, кушай, – кивнула Нэнси в сторону тарелки с салатом.

– А он мне: если еще хоть одна жалоба от родителей поступит, выгоню из полиции к чертовой матери...

Нэнси вздохнула. Эта история тянулась уже года два, с тех самых пор, как Джимми и его напарнице Роуз достался шестой участок. Нет, наркотиками школьники баловались давненько, особенно старшеклассники, но лишь когда на участок поставили Джимми, эти переростки совершенно обнаглели. Джимми досматривал школьные туалеты по три-четыре раза на день, все время добивался проведения крупных полицейских операций, но хвастать было нечем. Копы так и не сумели никого взять с поличным – карманы находящихся под действием наркотиков подростков оказывались пустыми, и кто и когда пронес в школу эту дрянь, так и оставалось загадкой.

– Что делать думаешь? – осторожно поинтересовалась Нэнси.

– А что я могу поделывать? – расстроено бросил вилку муж и глянул в сторону духовки. – Выгнать я себя, конечно, не дам – не те времена! Но помучить он меня еще помучает...

Нэнси сокрушенно покачала головой и поднялась, чтобы вытащить цыпленка. Начальник здешней полиции – крупный обстоятельный мужчина сорока шести лет по фамилии Бергман ей нравился. На Нэнси он производил впечатление человека надежного и житейски мудрого, но если у Джимми начнутся проблемы с работой... она вздохнула и вытащила противень со шкворчащим цыпленком... если у Джимми начнутся проблемы, семье придется туго.

Нэнси переложила цыпленка на тарелку и добавила к нему зеленого горошка и лука. Она категорически не представляла Джимми – полицейского в третьем поколении – ни шофером, ни автомашером, ни тем более продавцом пылесосов – не та закваска.

– Ну а ты как съездила? – прервал молчание Джимми. – Как там эта твоя Бетси?

Нэнси зарделась и стремительно отвернулась, чтобы вытащить из шкафчика кетчуп. Джимми совсем не обязательно было знать, что на самом деле она ездила в Хьюстон вовсе не к старой подруге.

– Хорошо, – едва управившись с охватившим ее волнением, кивнула она и возблагодарила Иисуса за то, что муж на нее не смотрит. – Дети учатся, муж работает... Посидели, поболтали...

Джимми понимающе кивнул и принялся за цыпленка. Несколько раз повернул тарелку, выбирая, с какого края начать на этот раз, а затем взял вилку и принялся сосредоточенноковырять птицу, отдирая и отправляя в рот маленькие белые кусочки мяса. Нэнси еще с полминуты постояла и медленно вышла – укладывать детей спать. Когда Джимми ел цыпленка, мешать ему было нельзя.

* * *

Она ждала мужа в постели. Нэнси знала, что, поев, он примет теплый душ, а затем наденет старый махровый халат с гербом и девизом любимой бейсбольной команды, выйдет на террасу, усядется в глубокое кресло и просидит, уставясь в темноту южной ночи, от получаса до сорока минут – в зависимости от настроения. И лишь потом придет и, дыша запахом пива и сигарет, навалится на нее – минуты на две. Большого ждать не приходилось.

«Нет, даже с этим паршивцем Салли было куда как интереснее!» – невесело усмехнулась Нэнси. С тем, по крайней мере, за каких-нибудь полчаса она дважды почти умерла от страха, дважды пережила ни с чем не сравнимый восторг победы и дважды вернулась в мир, чувствуя, как пульсирует в ней бьющая через край жизнь.

Пахнуло теплым воздухом, и Нэнси увидела, как приоткрылась дверь в спальню, а на пороге появился муж. Некоторое время он размышлял, а потом тихонько обошел кровать и, стараясь не скрипеть пружинами, улегся на своей половине.

Нэнси облегченно вздохнула и прикрыла глаза. Джимми чего-то боялся – это она видела давно. Страх жил в нем, словно солитер в поросенке, высасывая все соки и подтачивая жизненные силы – день ото дня все сильнее.

На их семейной жизни это сказывалось самым прямым образом. Сначала Джимми совсем перестал играть с детьми, затем уменьшил свое участие в семейном досуге до еженедельных походов на речку, а теперь и вовсе предпочитал сидеть на веранде с потухшей сигаретой между пальцев и таким же потухшим, безжизненным взглядом.

Нет, Нэнси не сдавалась. Оставлять его в таком полумертвом состоянии означало запустить ситуацию и однажды увидеть, что ты давно уже делишь постель с ходячим трупом. Она несколько раз воровски забиралась к нему в ванную, чтобы через пару минут устроить там шумную – с брызгами и воплями – возню. Она дважды вывозила его в пустыню, и эти черные звездные ночи посреди мелких барханов, ступенчатых каменистых утесов и поющих свои

тоскливые песни койотов до сих пор занимали высшие призовые места в «золотой коллекции» ее личных воспоминаний. Она даже спровоцировала его на секс во время дежурства, в самом сердце города – прямо в кабинете мэра Хьюго Тревиса!

Нэнси тихонько рассмеялась. Они в ту ночь перепробовали все, на что хватило фантазии, – и огромный полированный стол, и высокое восхитительно мягкое кресло – и так увлеклись, что Джимми ненароком зацепил коленом спрятанную под столом главы города «тревожную» кнопку.

Понятно, что в считанные минуты муниципалитет с воем полицейских сирен оцепили все патрульные машины города... Господи! Какой прекрасной оказалась эта ночь!

И все равно толку не было. Джимми так и не сумел вернуть себе прежнее состояние духа и продолжал жить, словно и родился таким – почти мертвым.

Нэнси вздохнула и повернулась на бочок, спиной к мужу. Она была совсем другой и умела получать удовольствие почти от всего, но это и стало главной ее проблемой, настолько серьезной, что даже потребовало вмешательства специалиста. Нэнси еще раз глубоко вздохнула, мысленно вернулась к событиям сегодняшнего дня и медленно, тщательно смакуя немногие, но яркие удовольствия, пролистала их все – с самого утра.

* * *

Сначала она наслаждалась тем тонким удовольствием, которое приносит рискованная ложь. У Джимми был записан хьюстонский телефонный номер Бетси, и, кстати, взбреди ему в голову проверить, чем она занимается в Хьюстоне, и даже просто пожелай он убедиться, что жена благополучно доехала до места, вранье мгновенно вылезло бы наружу.

Затем она выслушала очередную жалобу Энни – своей младшенькой – на то, что к ней снова приставали мальчишки, и с четверть часа тренировала ее использовать колено в извечной борьбе с противоположным полом.

А потом началось главное. Всю дорогу до Хьюстона, куда она почему-то решила отправиться не на своей машине, а на автобусе, все четыре часа пути она представляла, какой будет ее первая встреча с дипломированным городским психоаналитиком – мистером Скоттом Левадовски. И сердце екало и падало вниз, ибо исповедаться мужчине, не облеченному саном священника, было и сладко и грешно одновременно.

Нэнси достаточно быстро нашла нужный адрес, миновала строгую, выдержанную в псевдовикторианском стиле приемную с большим бронзовым бюстом доктора Фрейда на столе, сунула стоящей на страже немолодой секретарше положенный именитому доктору гонорар, дождалась, когда та занесет ее данные в журнал посещений, и прошла в кабинет – полутемный, богато обставленный и тоже достаточно стильный.

Психотерапевт мистер Скотт Левадовски, высокий мужчина в хорошем костюме, с короткой аккуратной прической и такой же аккуратной – под Фрейда – бородкой, стоял к ней боком и смотрел в прикрытое тяжелой темной шторой окно. Нэнси окинула его оценивающим взглядом, но изъянов не нашла – его сдержанность и осознание своего особого положения чувствовались даже на расстоянии.

– Проходите, миссис Майлз, – не оборачиваясь, глухим, эхом отдающимся от стен голосом проронил он. – Вы снова пришли на час раньше...

– Меня зовут миссис Дженкинс, мистер Левадовски, – вежливо поправила его Нэнси. – Нэнси Дженкинс. И у меня назначено как раз на это время.

– Да? – удивленно повернулся психотерапевт. – Ну что ж, ложитесь... Нэнси.

Нэнси с трепетом глянула на стоящую у стены кушетку и почему-то вспомнила, как долго, безуспешно, а главное, на редкость занудно пытался ее совратить первый настоящий поклонник.

– Прямо сюда?

– Разумеется, – сухо кивнул психотерапевт. – И помните, между мной и вами должна быть полная откровенность. Полная... вы осознаете, что я только что сказал?

Нэнси неуверенно кивнула и сама для себя решила, что в худшем случае она после этого сеанса останется сама собой. Грустно, но не так уж и ужасно. Она подошла к кушетке и, подчиняясь властному жесту врача, присела, а затем и прилегла.

– Закройте глаза, миссис Дженкинс, – распорядился мистер Левадовски. – Расслабьтесь и просто слушайте мой голос. А когда я досчитаю до пяти, вы начнете отвечать на мои вопросы – честно и без утайки.

Нэнси перебрала в своей памяти все подходящие случаю воспоминания, но сравнить происходящее смогла только с вызовом к директору школы в шестом классе. Страшновато, конечно, но не до дрожи.

– Раз... – начал размеренно считать психотерапевт, – вы расслабились... глубоко расслабились... два... по всему вашему телу пошло приятное тепло... три... вы абсолютно доверяете мне... четыре... вы готовы ответить на каждый мой вопрос... пять... я начинаю.

Нэнси напряглась.

– В чем ваша проблема, Нэнси? Что вас беспокоит?

– Я люблю риск.

Наступила пауза.

– И что?

– Это приводит к неприятностям. Все чаще. И я этого опасаясь.

Мистер Левадовски озадаченно прокашлялся.

– А... в чем выражается... эта ваша... страсть? К риску, я имею в виду.

– Физиономию набить могу, – честно признала Нэнси и приоткрыла правый глаз.

Доктор стоял, опершись задом на стол и скрестив руки на груди, но даже в полумраке кабинета было видно, что лицо у него несколько растерянное.

– А когда... у вас возникает это желание? И по отношению к кому?

– Да хоть к вам, – пожала плечами Нэнси. – Смотря по настроению.

Мистер Левадовски озадаченно почесал затылок, но тут же взял себя в руки и снова сосредоточился.

– Вы так агрессивны по отношению к людям?

– Я не агрессивна, – не согласилась Нэнси.

– Но они ведь вас обижали?

Нэнси задумалась и нехотя признала:

– Нечасто, но бывало.

Смотрящийся радужным сквозь прикрытые ресницы, словно Христос на церковном витраже, психотерапевт сосредоточился и подался аккуратно подстриженной бородкой вперед – точь-в-точь как фокстерьер на запах лисы.

– И как вы реагировали, когда вас обижали? Это всегда была агрессия? Ведь так, Нэнси?

Нэнси начала злиться. Разговор все дальше и дальше уводил ее от того, что ее действительно волновало.

– При чем здесь агрессия?! Что вы ко мне прицепились с этой своей агрессией?!

Она уже почти полностью открыла правый глаз и видела мистера Левадовски как на ладони. Он лихорадочно потирал руки, а его физиономия – еще недавно весьма растерянная – теперь буквально сияла.

– Вы занимаетесь мастурбацией, Нэнси?

Нэнси обмерла.

– Но... а при чем здесь...

– Отвечайте! – жестко потребовал психотерапевт. – И помните: полная откровенность! Как на духу!

– Иногда, – ответила она кое-как.

– Что вы чувствуете, когда делаете это? – уже мягче поинтересовался врач. – Стыд? Комплекс вины? Что вы чувствуете, Нэнси?

Нэнси судорожно попыталась сообразить, что можно ответить, но что-то внутри нее уже отчаянно пыталось вычислить, что ему, собственно, от нее надо...

– Риск, – непослушными губами произнесла она суть проблемы. – Я ищу риска. А в... том, что называли... разве есть риск?

– Не уклоняйтесь от ответа, Нэнси, – снова достаточно жестко потребовал мистер Левадовски. – Вы испытывали стыд, когда занимались... этим?

– Нет, – растерянно сказала правду Нэнси и тут же устыдилась своей собственной бесстыдности.

Психотерапевт досадливо крякнул.

– Нет, я так не могу! Вы должны быть со мной откровенны! Поймите, что, возможно, именно ваш стыд и заставляет вас быть агрессивной!

– Я не агрессивна, – уперлась Нэнси и приготовилась встать с кушетки.

– Не смейте вставать! – пресек эти поползновения врач, но заметил ее решимость и примирительно вздохнул. – Ну, хорошо, я попробую работать с вами с другого конца. Напомните мне, братья у вас были?

– Трое, – удивленно откликнулась Нэнси. – Саймон, Джеки и Крис.

– Вы за ними подглядывали?

Нэнси растерялась. Она никак не могла понять, при чем здесь ее братья...

– А какой в этом риск? – спустя несколько секунд озадаченно поинтересовалась она. – И зачем бы я за ними подглядывала?

«Разве только... чтобы по шее получить...»

На секунду ей показалось, что она что-то подобное припоминает, – там, в летнем душе огромного тенистого сада, но, господи, как же давно все это было...

– Вы хотите сказать, что нисколько не испытывали зависти к пенисам своих братьев?! – саркастично приподнял брови психоаналитик.

Нэнси моргнула и открыла оба глаза. Мистер Левадовски нависал над ней, словно Высший Судия над распоследней вавилонской шлюхой как раз перед ее торжественной отправкой в пекло.

– Нет, мистер Левадовски, – упрямо мотнула она головой и рывком села. – Я никому и никогда не завидовала. И вообще, с меня хватит!

– Я еще не разрешал вам вставать, – непреклонно заметил психотерапевт.

– Чего вы от меня хотите? – раздраженно поинтересовалась Нэнси. – Покаяния? Как в церкви? Или детального описания пенисов моих братьев? Вас это заводит?

Мистер Левадовски вздрогнул, но тут же взял себя в руки и болезненно скривился.

– Поймите, Нэнси... риск, драки, агрессия... поймите, это все – исконно мужские качества. И ваша проблема, скорее всего, произошла от подавленного желания быть такой, как мужчина; в том числе и от естественной для каждой женщины зависти к пенису. Это нормальный кастрационный комплекс. А мои вопросы... мои вопросы просто помогают вам это осознать и ассимилировать...

Нэнси внимательно посмотрела доктору в глаза. Отсюда, вблизи, аккуратно постриженный мистер Левадовски не выглядел ни властным, ни вдумчивым. Скорее несчастным...

– Ладно, мне пора, – отмахнулась она и решительно встала с кушетки.

– Я не возвращаю денег за сорванные сеансы! – запоздало напомнил ей в спину врач.

«Ну и подавись! – раздраженно подумала Нэнси. – Тоже мне придумал... зависть к пенису!»

* * *

Выйдя на свежий воздух, Нэнси старательно продышалась, изгоняя из себя затхлый дух сумрачного псевдовикторианского кабинета, и отправилась перекусить. И только в ресторане до конца осознала, как же прочно она подсела на свой «пунктик».

Раньше, еще до замужества, ей вполне хватало двух часов «русских горок», затем она записалась в парашютный клуб, и года полтора, до тех пор, пока не привыкла и к этой «дозе», испытывала ни с чем не сравнимое счастье. А потом она вышла замуж за Джимми, и все переменялось.

Нет, поначалу она кое-что получала. Как раз тогда начались волнения черных, город стало трясти, и Нэнси каждый божий день провожала Джимми, как на войну, испытывая накалывающие, словно цунами, волны ужаса всякий раз, когда он задерживался, и восторга – когда он возвращался. И – господи Иисусе! – какой же у них тогда был секс!

Нэнси горестно вздохнула, перевернулась в постели и обняла Джимми за полную талию. Он тогда действительно был хорош, и если чего и пугался, то мгновенно и как-то совершенно естественно превращал свой страх в ярость.

Она внезапно вспомнила, как впервые поняла, что выйдет за этого парня. У них тогда черные убили соседа-копа. И когда Джимми Дженкинс в составе почетного караула появился на похоронах – просто великолепный в своей ярости от желания отомстить, она поняла: вот он – истинный мужчина! Мужчина, которого стоит ждать и за которого можно бояться.

И она ждала и боялась. Поначалу, когда черные потребовали равноправия, затем когда начали бастовать не желающие идти на вьетнамскую войну студенты, затем когда пошли массовые облавы на приторговывающих наркотиками хиппи... Она боялась за него каждый день, каждый рейд, каждое дежурство; боялась глубоко, страстно и всерьез.

Да и было отчего. Джимми возвращался домой насквозь пропитанный запахом крови, пороха и чужого – не своего – страха; иногда с пробитой головой, иногда со странными круглыми синяками на груди и всегда с этим выражением отчаянной готовности к любому повороту судьбы в глазах. Пожалуй, это было единственное время, когда ей для полноты ощущения бытия хватало чужого риска.

Тогда-то она и родила ему двух детей: старшего Рональда и младшую Энни.

Нэнси улыбнулась. Чем больше врачи пугали ее возможными осложнениями и даже риском гибели ее и ее не родившегося ребенка, тем большую решимость она испытывала. Наверное, потому, что только риск и придавал ее жизни настоящий вкус.

А потом все как-то стало увядать. Волнения сошли на нет, дети стали требовать все больше сосредоточенности и внимания, но главное в том, что внезапно изменился сам Джимми. В какой-то момент он словно разучился преобразовывать страх в ярость и все чаще возвращался домой подавленный и бессильный – почти во всех смыслах.

Нэнси это не устраивало, но, что бы она ни предпринимала, ему становилось все хуже и хуже, а ей требовалось все больше и больше. Даже не секса – ощущения жизни.

Она пыталась поделиться этим своим ощущением с подругами, но отклика так и не нашла. Они кивали, улыбались – и не понимали. И вот тогда она стала наблюдать. Старательно приглядываясь к другим столь же молодым парам, Нэнси искала сходства и различия, слушала их шутки и вникала в их проблемы, но – странное дело – они, нормальные молодые люди, все чаще казались ей почти точной копией Джимми. Страх, озабоченность, а порой и полное бессилие словно поселились в каждом здешнем доме. Они считали деньги и брали кредиты, думали о пенсии и социальной страховке, а в остальном словно и не жили!

«Боже! Они что – все такие?! – растерянно спрашивала она себя. – Как же так можно?»

Пожалуй, Нэнси так и осталась бы в твердом убеждении, что только она одна во всем городе и олицетворяет правильный взгляд на вещи, если бы не этот недавний и совершенно необъяснимый случай.

* * *

День за днем Нэнси делала все, что нужно. Отправляла детей в школу, а мужа – на работу, встречала, кормила, выслушивала, утешала, регулярно устраивала грандиозные перестановки мебели, а однажды, проснувшись рано утром, поняла – сил больше нет. И тогда она в очередной раз проводила Джимми на службу, а детей – в школу, без разрешения взяла машину и поехала в Сан-Антонио – развеяться.

Меньше чем за час Нэнси добралась до города, припарковала машину, часа полтора бесмысленно бродила по городу, а потом вдруг обнаружила, что находится в супермаркете. Она стояла в самом центре магазина и лихорадочно обводила многочисленные полки туманящимся бессмысленным взглядом.

Некоторое время она боролась с собой, а потом, взмокнув от предчувствия неизбежной расплаты, решительным шагом прошла к закрытому соседними отсеками стеллажу и схватила с полки баночку красной икры. Оглянулась и, чувствуя мгновенно прошедший по телу электрический разряд восторга, сунула банку в карман.

Нэнси знала, что ее ждет в случае поимки, – Джимми рассказывал ей и о порядке задержания магазинных воров, и о процедуре идентификации и составления протокола. Она представила себе, как ее привезут в участок, как откатают отпечатки ее пальцев, как внесут ее имя в картотеку, а затем предоставят право на один звонок.

Мысль о том, как Джимми услышит ее собственное признание в мелком воровстве, обернулась таким всплеском эмоций и привела Нэнси в такое смятение, что она пошатнулась и ухватилась за стеллаж, дабы не упасть.

– Мэм? Вам плохо? – мгновенно вырос рядом с ней молоденький, одетый в униформу супермаркета продавец.

– Немного, – прошептала Нэнси и поплыла по волнам наслаждения.

Парень подхватил ее под локоток и, минуя кассу, потащил к выходу, на свежий воздух.

– Сейчас полегче?

Нэнси даже не услышала. Она пошла на прямое нарушение закона впервые в жизни, и – господи! – как же это было приятно!

– Мэм! Как вы?! Ответьте!

– А? Что?

– Вам стало лучше?

Нэнси моргнула, уставилась в ясные участливые глаза продавца и залилась краской стыда.

– Вижу, что уже лучше, – улыбнулся тот. – Щеки порозовели. Может быть, врача вызвать?

– Нет, спасибо, – мотнула головой Нэнси, высвободила руку и, пошатываясь, побрела вниз по ступенькам. Сама не своя вышла на тротуар и тихо засмеялась. Удовольствие оказалось высшей пробы.

«Господи! Что это было? – мелькнула в голове более или менее здравая мысль, но она тут же стусевалась и затерялась в сказочно-красиво угасающей феерии ощущений. – Как хорошо... господи...»

Нэнси обвела улицу расслабленным взглядом и вдруг – словно ответ на свой невольный призыв – увидела готическую крышу католического собора. На какое-то мгновение в ней вспыхнул острый стыд, но и он только «подлил керосина» в пламя переполняющих ее ощущений. И тогда Нэнси вздохнула и побрела к божьему храму – пусть и католическому.

* * *

Ей повезло попасть на службу, и целых два часа Нэнси буквально купалась в ужасе и греховности содеянного, контрастно оттененном чопорной праведностью сидящих рядом прихожан.

Реальный риск божьего возмездия в виде геенны огненной на веки вечные придал ее чувствам такую высоту, такой звенящий накал, что она едва не теряла сознания. Сложная, круто замешенная на страхе, ярости и вожделии смесь ощущений совершенно парализовала ее ноги, словно раскаленным гвоздем пронзила позвоночник, высушила рот и заставила в конце службы заплакать так сладко, как она не плакала уже десять тысяч лет. И даже когда служба закончилась, она еще долго не могла подняться со скамьи и смотрела прямо перед собой, не в силах прекратить этот беспрерывный феерический восторг.

– Что с вами, дочь моя... вам нехорошо? – подошел к ней немолодой священник.

– Спасибо, уже полегче, – глотая слезы счастья, улыбнулась в ответ Нэнси. – Я сейчас встану. Я сейчас...

На следующее утро, после долгих ночных тягостных размышлений, она и оказалась в кабинете у психоаналитика, – повторения этого почти полуторачасового безумия Нэнси не хотела совершенно. А потом ей встретился этот придурковатый Салли, а потом на нее снова обрушились вечные жалобы хронически усталого, до неприличия бессильного мужа, а потом снова началась просто жизнь – та самая, что хуже всякой смерти.

* * *

Салли дважды менял попутки, четырежды обращался к дорожной полиции и нашел свою машину лишь к четырем утра – аж в Сан-Антонио. Автофургон стоял возле городской автостанции, а на его помятом капоте так и валялась черная кожаная куртка с бесстыдно вывернутыми карманами.

Салли тронул дверцу, обошел машину, попытался открыть вторую и подумал, что, скорее всего, ключи от машины закинута в буйные придорожные кусты – и за сутки не отыщешь. И тогда он вернулся на станцию и, мило улыбаясь, завязал беседу со старичком кассиром.

Кассир рассказал немного, однако он был уверен, что фургон поставили на стоянку не позже половины десятого вечера, потому что ровно в девять тридцать он выходил поболтать с водителем рейсового автобуса и видел, что машина уже стоит.

Салли удовлетворенно хмыкнул, просмотрел приклеенное над кассой расписание, отметил, что следующая – конечная – остановка рейса на 21.30 находится всего-то в полусотне миль от Сан-Антонио, и тут его осенило.

– А на этот рейс в половине десятого кто-нибудь билеты брал?

– Ага, – простодушно выдал коммерческую тайну старичок. – Белая женщина... приятная такая блондинка...

Сердце Салли ухнуло вниз.

– Спасибо, дружище, – искренне поблагодарил он. – Ты мне здорово помог, – и кинулся к фургону – вскрывать его и заводить.

* * *

Едва Салли увидел на горизонте нежно розовеющий в лучах восходящего солнца, похожий на библейский затерянный посреди бескрайней техасской пустыни городок, как сердце его сладостно заныло, а в душе торжественно зазвучали мощные аккорды церковного органа.

– Долгое время пробудете вы на той земле, в которую вы идете, чтоб овладеть ею, – пробормотал он.

Он чувствовал себя так, словно только что обрел землю обетованную. Ему трудно было бы это объяснить, но Салли совершенно точно знал: этот маленький, стелющийся по земле, словно придавленный небом городок и есть то, что всю жизнь обещал ему господь.

Он помнил это восхищающее душу, круто смешанное с восторгом чувство торжествующей вседозволенности с самого детства, еще с тех времен, когда вернувшаяся с очередной отсидки мать брала его в свою жаркую постель, и не получил этого ощущения ни у Свидетелей Иеговы, ни у баптистов, ни даже у мормонов. А теперь господь словно говорил ему: «Салли, это все твое, и это твое, и это... А это значит, что ты получишь все, на что я тебе дал права. Ты слышишь меня? Все!»

– Аллилуйя! – Салли сбросил скорость.

Он въехал на главную улицу, медленно и высокомерно, словно царь иудейский, пересек весь город из конца в конец, потом объехал его по периметру, привычно отмечая возможные гнезда греха и разврата, и удовлетворенно причмокнул – здесь было над чем поработать.

– И утучнел Израиль, и стал упрям, – криво усмехнулся Салли, – разжирел и оставил он бога, создавшего его, и презрел твердыню спасения своего...

Нет, сейчас, на рассвете, когда петухи прокричали куда как больше трех раз, в городе было не видать ни накрашенных шлюх, ни их омерзительных в своем показном величии и гордыне дружков; даже питейные заведения стояли с плотно зашторенными окнами. Но Салли знал, что свои Содом и Гоморра есть в любом городе этой безбожной страны, и пройдет не так много времени, и улицы заполонятся забывшими гнев божий обывателями, а к вечеру, особенно после заката солнца, когда силы нечистого многократно возрастут, повсюду начнет править бал человеческий грех.

«И вот тогда наступит мой черед, – мстительно улыбнулся Салли, – ибо огонь возгорелся во гневе моем... ибо они народ, потерявший рассудок, и нет в них смысла».

Справа из-за домов показалась островерхая кровля католического храма, и Салли вздрогнул, торопливо перекрестился и утер взмокший лоб рукавом. Это был знак! Господи, сколь же сладостно было воздавать отмщение этим шлюхам!

– И меч мой насытится плотью и кровью... – счастливо всхлипнул он. – Да. Насытится... наконец.

* * *

Пожалуй, полное и безусловное поражение мистера Левадовски оказало на Нэнси гораздо большее воздействие, чем она могла представить. Она ругала его самыми последними, усвоенными от старших братьев словами, а потом замирала и снова и снова перебирала в памяти все, что было сказано именитым хьюстонским психоаналитиком.

В конце концов Нэнси пришла к выводу, что она, возможно, сгруппировала, и сеанс следовало довести до конца, но согласиться с тем, что ее специфический «пунктик» замешен на некоем кастрационном комплексе, не могла. Она была женщиной – от кончиков крашенных ногтей до самых потаенных уголков сознания – и никем иным никогда быть не хотела.

«Тоже мне эскулап! – яростно фыркала она себе под нос. – Я им, видите ли, завидую! Недоносок...»

А потом приблизилась суббота, и Нэнси вдруг подумала, что один человек, с которым хоть что-то можно обсудить, в этом городе все-таки есть – Маргарет, жена Бергмана. И сделать это можно прямо на собрании женского клуба – сегодня.

Нэнси вздохнула. Когда она впервые попала в этот маленький и совершенно закрытый для посторонних клуб, все было совсем иначе. Молодые, едва закончившие колледж супруги местных копов кипели энергией, а главное, составляли в клубе активное большинство. Рождественская елка, Хэллоуин, День независимости – ничто не обходилось без их участия, и Нэнси за какие-то пару лет сумела провести среди местных подростков несколько гонок на велосипедах, не сразу, но договорилась с вождами и организовала серию походов младших школьников в резервацию и даже устроила совершенно непристойный по своему успеху у половозрелой молодежи весенний карнавал.

А потом родился Ронни, и она года на полтора выпала из яростной круговерти общественной жизни, а когда сумела вновь появиться в клубе, обнаружила там совсем другую жизнь.

Женщин как подменили, и теперь они целыми часами, неделями, месяцами обсуждали кинофильмы, ели попеременно изготавливаемые торты и даже думать не хотели ни о чем, кроме сплетен о двух самых важных вещах на свете: размерах пенисов мужской части клана Кеннеди и размерах будущих пенсий своих еще нестарых супругов.

Нет, Нэнси так просто не сдалась и все-таки попыталась вернуть своему клубу утраченные задор и неукротимость, но тут же натолкнулась на такой мощный отпор, что опешила. Попыталась выяснить, что происходит, и довольно скоро во всем разобралась.

Теперь всем заправляла жена мэра Сьюзен Тревис, единственная дама, которую приняли в клуб вопреки уставу, – кто-кто, а уж ее-то благоверный никогда и никакого отношения к полиции не имел. Но – вот надо же! – прошло совсем немного времени, и теперь перечить ее представлениям о правилах светской жизни не смел никто.

– Не лезь на рожон, Нэнси, – пыхтя контрабандной кубинской сигарой, прямо сказала ей Маргарет, жена Бергмана. – Этих стерв уже не переделать.

Нэнси задумалась... и согласилась.

Она вообще была склонна соглашаться с этой почти квадратной, морщинистой, как шея черепахи, и коричневой от вечного загара женщиной. Бог весть каким чудом это произошло, но Маргарет, уже, мягко говоря, немолодая дама, сумела не только увести матерого шефа полиции Теодора Бергмана из прежней семьи, но и сделать его счастливым.

Бергману это стоило о-очень много попорченной крови – и в Хьюстон его вызывали, и даже сместить хотели. Маленький насквозь протестантский городок блуда не терпел, а уж на страже семьи стоял, как часовой у знамени полка, – не прошмыгнуть. И тем не менее, прошло время, страсти помалу улеглись, и теперь всякий желающий мог видеть эту неприлично удовлетворенную друг другом пару гуляющей в городском парке под ручку – каждое воскресенье.

– Ма-а, – подошел к Нэнси ее старшенький – Рональд, и она вздрогнула и вынырнула из воспоминаний.

– Значит, так, Ронни, – опережая все, что он мог бы ей сказать, заторопилась Нэнси, – я иду в клуб, а ты делаешь уроки и только потом уже идешь гулять.

Она заранее знала, что сейчас произойдет.

«Ну ма-ам... – сразу же заканючит Рональд. – Мы с ребятами уже договори-ились».

«Никаких «договорились»! – жестко осадит его Нэнси. – И Энни поможешь уроки сделать».

«Вот всегда так...» – обреченно пробурчит Ронни, и она, как всегда, подумает, что еще немного, всего-то годик-другой, и Рональд повзрослеет достаточно, чтобы настаивать на своем.

Но пока он молчал.

– Ты слышал, что я тебе сказала? – напомнила о себе Нэнси.

Рональд убито кивнул.

– Что еще за фокусы? – не поняла Нэнси. – Ты со всем согласен?

– Сказал «сделаю», значит, сделаю, – буркнул Ронни и боком-боком двинулся в свою комнату.

Нэнси насторожилась и тут же утешила себя тем, что это ненадолго – максимум на пару дней. А затем у Рональда снова возникнут проблемы – и с ней, и с отцом. Такой уж возраст...

Она проводила сына взглядом, быстренько напудрилась, надела свой самый непристойный – брючный – костюм и, представив, какой шок он вызовет у чопорных «подруг», когда она появится в женском клубе, улыбнулась. Это было пусть и небольшое, но удовольствие. Немного подумала и, весело рассмеявшись, сунула в сумочку украденную в супермаркете баночку икры. Накормить жен полицейских ворованным – в этом был какой-то особый шик!

* * *

Денег у Салли не было совсем – получить расчет в Хьюстоне он так и не успел, но времени на сожаления не тратил. Целые сутки он объезжал, а когда закончился бензин, обходил город пешком, отмечая и занося в цепкую избирательную память все, что находил достойным для будущих сладостных трудов.

Собственно уже первым вечером он обозначил на карте греха главное: все восемь перекрестков, у которых в призывных заученных позах стояли раскрашенные, как папуасы, грудастые жрицы порока. И тем же вечером со сладостной тревогой на сердце Салли отметил, что сигареты здесь продают на каждом углу, спиртное – в каждом квартале, а наркотики – чуть ли не в каждом районе.

Он знал, что это не главное, но также он знал, что где одно, там и второе, а падение души в ад порой начинается с самой первой сигареты.

Впрочем, и помимо сигарет и наркотиков в городе хватало проблем. Салли заглядывал в юные, но уже порочные глаза игриво хохочущих, до предела распущенных школьников, окидывал ревнивыми взглядами статные фигуры разодетых, словно клоуны, парней, часами слушал, как сплетничают о всяких мерзостях зрелые матроны, наблюдал, как просяживают в барах здоровье и стыд еще крепкие, но уже морщинистые, с потухшими взглядами мужчины, и его сердце переполняла скорбь и ярость. Тихий, почти библейский городок стремительно катился в пропасть бездуховности. И через выделенные себе для знакомства сутки Салли твердо знал, что он здесь надолго, возможно, до самого конца, какой ожидает его в конце тернистого пути борьбы с пороком.

Он отыскал самое удобное для наблюдения место – маленькую автозаправку на въезде в город, переговорил с хозяином – плотным, потным, лысым, словно дамское колено, и деятельным, как целое полчище коммивояжеров, итальянцем, продемонстрировал ему все свои умения и спустя полчаса был принят.

– Спать можешь здесь, – милостиво разрешил итальянец. – Расчет, как у всех, – один раз в неделю, по пятницам. Смена двенадцать часов – с шести до шести. Делать будешь все, что скажу. А о страховке и прочей ерунде забудь; я не благотворительный фонд.

Салли охотно кивнул. Ему и не нужна была страховка, – кто-кто, а уж Салли знал, что господь сам позаботится о своем покорном рабе.

– Если буду работать много и хорошо, отгулы брать можно? – смиренно поинтересовался он.

Итальянец окинул его испытующим взглядом.

– Сначала покажи, на что ты способен.

Салли улыбнулся. Он был способен на многое.

* * *

На этот раз клубный пятничный торт испекла Сьюзен, и был он такой же белый, невыносимо сладкий, рыхлый и сырой, как и она сама. Однако и поставленная на стол баночка икры оказалась очень кстати. Дамы для виду пожурили Нэнси за расточительность, а затем восторженно защебетали и принялись делать бутерброды.

– Слышали про этого психа Тальбота?

– А что с ним?

– Снова из больницы выпустили. Представляете?

– Да ты что?!

Нэнси криво усмехнулась и, помогая делать бутерброды из ворованной икры, сокрушенно покачала головой. Тальбот был известный в городе эксгибиционист. Примерно один раз в полгода его со скандалом водворяли в хьюстонскую психиатрическую клинику, но проходило время, и он снова объявлялся в городе. Недели на две затаивался, но долго выдержать не мог и однажды появлялся в городском парке или даже в центральном супермаркете со спущенными штанами и сверкающими от возбуждения глазами.

Нет, сам он по себе был, кажется, не опасен, но дети... Нэнси вспомнила, как Джимми задерживал Тальбота на детской игровой площадке. Спасаясь от копов, безумец окончательно потерял штаны, отчего пришел почти в экстаз, и, тряся гениталиями, помчался вдоль каруселей, лошадок и песочниц, распугивая молоденьких няnek и приводя в полный ступор недоуменно вытаращивших глаза детишек.

– Твой Джимми тебе не рассказывал?

– Что? – развернулась Нэнси. – А-а... пока нет. А что?

– Они его вчера в пришкольном парке задержали – стоял под окнами. А к вечеру выпустили под залог.

Нэнси прикусила губу.

– Лишь бы он дальше этого не пошел...

Она знала эту историю, как никто другой. После того как Тальбот получил наследство своей тетушки, он ощутил себя состоятельным человеком и теперь чуть что оставлял суду залог и принимался за старое. Но дело даже не в этом. За те тринадцать лет, что она прожила в этом городе, Тальбот прошел несколько стадий. Сначала объектом его интереса были исключительно старушки, затем он как-то исподволь перешел на обычных зрелых женщин, затем была эта детская площадка, а что будет завтра, похоже, не мог бы сказать даже его лечащий врач.

– Поймать да и отрезать, – пошутил кто-то, и жены копов засмеялись и переключились на обсуждение новой сети итальянских аптек «Маньяни Фармацевтик».

– Нэнси, – тихонько подозвала ее Маргарет и показала на ряд кресел во дворике. – Идем, поболтаешь со старухой...

Нэнси пораженно замерла. Каким-то образом жена Бергмана всегда знала, что нужна человеку. Всегда!

Она сполоснула и вытерла салфеткой руки и торопливо побрела вслед за Маргарет. При села, приготовилась вывалить на подругу все, что наболело, как та властно подняла руку.

– Подожди. Тебе твой Ронни еще ничего не говорил?

– Ронни? – удивилась Нэнси. – Не-ет... А что он должен был сказать?

Маргарет вздохнула.

– Значит, он тебе не сказал...

Нэнси насторожилась. Жена шефа полиции знала очень многое, и если она что-нибудь говорила...

– Господи Иисусе! Что еще стряслось?

– Мой благоверный с порошком его вчера поймал.

Внутри у Нэнси все оборвалось, а в груди зазвенела тоскливая нота.

«То-то он сегодня такой послушный...»

– Героин? – упавшим голосом выдохнула она.

– Да, Нэнси... – печально кивнула Маргарет. – В общем, Тедди мой это дело замял и Джимми твоему решил не сообщать, но только под честное слово, что Рональд сам признается во всем тебе.

Нэнси откинулась в кресле, до боли прикусила губу, но тут же взяла себя в руки.

– А откуда у него... порошок?

– Сказал, что нашел, – пожала плечами Маргарет. – Врет, конечно. Тедди говорит, там без этих братьев Маньяни не обошлось.

– Опять Маньяни?

– Точно, – кивнула Маргарет. – Они там уже чуть ли не каждого пятого мальчишку в «долговую яму» посадили – деньгами, сволочи, ссужают. Понятно, что ребяташки расплачиваются кто как может – порошок на себе таскают, за пивом к пуэрториканцам бегают... Так что не расслабляйся. Маньяни еще никого за просто так не выпускали: или деньги, или порошок. Понимаешь, что это для Рональда значит?

Нэнси автоматически кивнула и еще глубже ушла в себя.

Она ждала этого момента достаточно долго, года два – точно. Рональд быстро вырос, но еще быстрее замыкался в себе; совсем перестал слушать отца, и Нэнси совершенно точно знала, что однажды это как-то проявится. Но она и представить себе не могла, что ее Рональда подомнут под себя эти чертовы братья!

Она встала и совершенно механически, почти не осознавая себя, приняла участие в поедании бутербродов, а затем и торта, что-то кому-то говорила, что-то спрашивала, хвалила торт, но была уже не здесь, а спустя полчаса, едва солнце начало клониться к горизонту, чуть ли не бегом отправилась домой.

* * *

Салли ознакомился со всем хозяйством автозаправки за полчаса и тут же схватился за метлу. В Хьюстоне он мыл площадку с порошком – каждый божий день, но здесь это было немыслимо да и не нужно. Единственный порыв горячего пустынного ветра приносил с собой столько песка, что мыть или не мыть, вопроса не возникало.

Затем он тщательно собрал в округе весь мусор, все пивные банки, все презервативы, все бумажные пакеты с гниющими остатками недоеденных гамбургеров внутри, а в четыре утра, за два часа до начала своей смены с корнями повыдергивал весь колючий бурьян, закрывающий вид на шоссе из окон заправки.

Затем, ровно в шесть утра, Салли встал на замену уходящему отсыпаться рабочему-итальянцу и двенадцать часов подряд без усталости бегал по жаре, принося заказы, оттирая лобовые стекла от вдребезги разбившейся мошкары и подкачивая шины. Снова дочиста подмел площадку и к восьми, перекусив и заправившись хозяйским бензином, выехал в город. И почти сразу же увидел его.

Бледный морщинистый мужчина стоял в кустах пришкольного парка со спущенными штанами и совершенно обезумевшим от греховного наслаждения взглядом.

Салли прижал автофургон к обочине, заглушил двигатель и, предварительно оглядевшись по сторонам, подошел к нему вплотную.

– Бог в помощь.

Грешник судорожно глотнул и с опаской уставился на крепкого белесого парня с маленькими, бегающими глазами и, было видно, – испугался.

– Чего надо? – хрипло выдавил он.

– Познакомиться, – холодно улыбнулся Салли. – Давно здесь стоишь?

Мужчина растерянно моргнул.

– Минут пять...

– И как улов?

Мужчина недоуменно прокашлялся, как вдруг заметил что-то за плечом неожиданного собеседника и вытянулся в струнку – словно терьер.

– Отойди... – яростным шепотом просипел он.

Салли обернулся. Из школы выбежала разноцветная стайка старшеклассниц.

– Отойди, я сказал! – уже всерьез рассердился мужчина и, не дождавшись, пока Салли выполнит его требование, подхватил сползшие до колен брюки и, обогнув собеседника, засеменил к цели.

Школьницы взвизгнули, бросились врассыпную, а Салли проводил преследующего их греховодника внимательным взглядом и быстрым энергичным шагом вернулся к машине. Это была превосходная шлюха – пусть и в штанах, и времени он терять не собирался.

* * *

Когда Нэнси добралась до дома, Рональд подозрительно прилежно корпел над уроками.
«Поговорить с ним самой?»

Она глянула на сына, поймала его затравленный взгляд, и сердце болезненно защемило. Она знала, что разговор неизбежно сползет к нотациям, а Рональд, вместо того чтобы покаяться и покончить с ним, упрется, займет оборонительную позицию и завязнет еще глубже.

«Сказать Джимми?»

Это было еще худшим вариантом. Нэнси наперед знала, что Джимми расщиплет и, может быть, ударит сына, даже наверняка ударит, категорически запретит ему приближаться к братьям Маньяни на пушечный выстрел, но этим все и закончится. А затем пойдут недели томительного, наполненного страхом и неизвестностью ожидания, и однажды она обнаружит, что уже поздно.

Разумеется, был и другой вариант – самый жесткий и абсолютно законный, но тогда бы Рональд приобрел среди сверстников пожизненный статус доносчика, и она вовсе не была уверена, что так будет лучше для всех.

«И что теперь? Ждать?»

Нэнси растерянно огляделась по сторонам и только теперь поняла, что не видит Энни.

– А где Энни? – только чтобы оборвать это затянувшееся молчание, спросила она.

– Там это... – густо покраснел Рональд. – Они на этого психа навалились... без штанов.

– Какого психа? – обомлела Нэнси и вдруг поняла, – И что?

– Перепугалась, конечно, – ответил Рональд. – У себя сидит. Я отцу позвонил, но они его не...

Нэнси метнулась в детскую, схватила Энни, развернула к себе... Она и впрямь была напугана.

– Сволочь! – тяжело задышала Нэнси и вдруг ясно вспомнила Левадовски с его теорией о зависти к пенису, и внутри у нее полыхнула ярость. – Недоноски!

Нэнси посмотрела на часы и с трудом подсчитала, что до возвращения Джимми со службы осталось порядка сорока минут. Встала, нетвердым шагом спустилась в кладовую и начала разбирать коробки – одну за другой. Старое бальное платье, шляпки, бесчисленные, любовно переложенные бумагой туфли – еще с шестого класса и наконец – главная.

Нэнси посмотрела на коробку невидящим взглядом, потянула за розовую ленточку и сняла пыльную, вдавленную внутрь крышку. Выбросила кучу разноцветного шелкового тряпья и замерла. Перед ней на самом дне коробки лежала матово поблескивающая вороненой сталью «беретта».

Трясущимися руками Нэнси распечатала лежащую рядом упаковку и высыпала тяжелые маслянистые патроны в ладонь. С трудом вытащила обойму и начала ее снаряжать – патрон за патроном, именно так, как однажды научил ее старший брат.

* * *

Салли готовился основательно. Он понимал, что вплоть до темноты, пока солнце не село, его жертва никуда не денется, – лишь бы не приехали копы. А потому он отогнал машину в сторонку, вытащил и разложил на сиденье весь свой инструмент и задумался.

Салли знал, что упадет в это состояние, когда, кажется, сам господь управляет его рукой, сразу, как только начнет. А здесь, практически в центре города, это было опасно. Но с чего-то начинать было надо.

Он вздохнул, сунул в карман бритву и выбрался из машины. Миновал магазин, продрался сквозь заросли подступившего к дороге парка и присел на бугорке. Отсюда его будущая жертва всевышнему была видна как на ладони.

Салли глянул в сторону солнца. Оно уже почти садилось.

«Дождусь темноты, – решил он и почувствовал, что уже плывет по волнам настигающего его предчувствия наслаждения, – и будь что будет!»

* * *

Нэнси припарковала машину за два квартала от школы. Взяла сумочку и обнаружила, что сломала ноготь, но где и когда, вспомнить не сумела. Глубоко вздохнула и, преодолевая дрожь в коленях, выбралась из машины. Оглянулась по сторонам, по возможности негромко захлопнула дверцу и нетвердым шагом прошла остаток пути. Намеренно создавая себе алиби, если что-то пройдет не так, заглянула в магазин, купила колы и сухой торт, стараясь не выдать своего лихорадочного состояния, очень мило поболтала с хозяином, а выйдя из магазина, обогнула его и в считанные секунды оказалась в огромном пришкольном парке.

И вот здесь она словно вернулась в тот самый супермаркет, в котором похитила икру. И только потому, что сумерки, заросли терновника и толстые стволы разновозрастных деревьев скрывали ее от посторонних взглядов, никто не сумел бы увидеть, как, шатаясь и хватаясь за деревья, будто пьяная, и периодически закатывая глаза от настигающего ее наслаждения, мать двух детей и примерная жена полицейского бредет к школе.

Восторг преодоления самой себя пронизывал ее всю – от темечка до копчика. Восторг делал ее дыхание хриплым и прерывистым, а сознание неясным. Восторг почти парализовал конечности и застрял в желудке огромным горячим комком. Восторг овладел ею, как чужой властный мужчина, – безо всяких условий и целиком.

Она оцарапалась о голые колючие ветки сухих, но так и не вырезанных с осени кустов терна. Она несколько раз поскользнулась на влажной, остро пахнущей древесным тленом земле. Она едва видела, куда идет, но когда впереди замаячил просвет, Нэнси поняла: все! Она не станет потакать себе в такую минуту.

Нэнси прислонилась лбом к шершавой прохладной коре огромного клена, сунула руку в сумочку и вытащила пистолет. Преодолела мгновенный, почти экстатический прилив эмоций и щелкнула затвором. Заставила себя пройти еще два десятка шагов и замерла. Вертящий головой по сторонам, словно филин в ночи, Тальбот – вечный позор и проклятие этого города

с вечно приспущенными штанами – все еще стоял здесь, на самом краю огромного парка и наискосок от парадного подъезда единственной городской школы.

Нэнси на секунду стало дурно.

«Господи! Что я здесь делаю?!»

Словно защищаясь от того, что хотела сделать, она повторила эту фразу один раз, второй, третий, десятый... но ответ не приходил, и Нэнси всхлипнула, опустила пистолет и обессиленно прижалась лицом к широкому шершавому стволу.

Все, чему ее учили всю ее жизнь, восставало против стрельбы по человеку.

* * *

Салли ждал недолго. Солнце стремительно скатилось и упало за линию горизонта, и бог сначала овладел его оглушительно застучавшим сердцем, затем погнал кровь по жилам, а затем перед глазами поплыли красные и голубые пятна, и Салли встал с прохладной и сырой земли, покачнулся, сунул руку в карман, вытащил и открыл отточенную до немыслимой остроты бритву и с выпученными от переполняющего его божьего гнева глазами двинулся вперед, прямо через кусты.

* * *

Когда неподалеку затрещали кусты, Нэнси вздрогнула и очнулась. Тальбот деловито натягивал штаны, явно собираясь домой, чтобы прийти сюда завтра, послезавтра, через неделю, через год... и тогда Нэнси взбеленилась.

– Сволочь!

Она прикусила губу и стремительно перебралась к следующему толстому стволу. Оценила расстояние и вдруг отметила, что этот давно перезревший Тальбот одет по самой последней моде. Он вообще выглядел таким успешным и самодовольным, что Нэнси окончательно протрезвела, и все ее существо наполнила ясная, холодная ненависть. И тогда она медленно опустилась на одно колено, взяла «беретту» обеими руками, постаралась немного расслабить плечи, прицелилась и плавно – в точности, как учил ее старший брат, – нажала на спусковой крючок.

Вспышка ее ослепила, и некоторое время Нэнси так и стояла на одном колене с вытянутыми вперед руками, растерянно моргая и словно пытаясь сообразить, что это, собственно, было... а потом из темноты там, впереди, раздался отчаянный крик невыносимой боли, и она как очнулась.

– Господи Иисусе! Спаси и сохрани! – подхватила Нэнси, вскочила и, не разбирая дороги, на застревающих в сырой земле каблуках помчалась назад через парк. Выскочила к магазину, резко остановилась, отряхнула испачканное землей колено и, стараясь выглядеть спокойной, подошла к машине. Открыла дверцу и забралась внутрь.

Некоторое время она так и сидела – с колотящимся сердцем и судорожно стискивающими сумочку с черной «береттой» внутри пальцами. А потом собралась, заставила себя завести машину и медленно, осторожно выехала со стоянки.

«Я должна была это сделать, – безостановочно твердила она себе, – я должна была...»

Но поверить в это до конца так и не получалось.

* * *

Когда прогремел отдавшийся эхом от школьных стен выстрел, Салли даже присел от неожиданности и тут же увидел, как его несостоявшаяся жертва неестественно, как в замедленной съемке, загибает руками и хватает воздух ртом, а затем, истошно вопя, валится на землю.

– Что? Как так? Подожди!

Салли метнулся вперед, преодолел разделявшие их два десятка футов и замер. Его законная добыча с так и не застегнутыми до конца штанами отчаянно вопила, катаясь по земле и брызгая кровью.

Недоумевающий Салли стремительно огляделся и увидел – ее!

– Ты?!

Та, за которой он сюда приехал, по-женски неловко, на подламывающихся каблуках бежала прочь, а в ее правой руке угрожающе чернел небольшой пистолет.

Прогоняя это наваждение, Салли тряхнул головой, заставил себя собраться и тут же услышал, а затем и увидел мчащуюся к нему полицейскую машину.

– Черт!

Он торопливо сунул бритву в карман и рванул вслед за только что скрывшейся среди черных стволов немолодой блондинкой. Пересек весь парк наискосок, с усилием продрался сквозь колючие кусты, перепрыгнул через подвернувшийся под ноги неглубокий ров и кубарем вывалился на асфальт.

– Ни с места! Руки за голову!

Салли привстал на одно колено и поднял взгляд. Перед ним стояла одетая в полицейскую форму рыжая, крепко сбитая женщина.

– Руки за голову, я сказала! – рявкнула эта шлюха, и Салли, преодолевая себя, подчинился и опустил взгляд в асфальт. Ему было стыдно.

Кто-то в форме скользнул мимо него, а в следующий миг на его запястьях щелкнули наручники – первый раз в жизни!

* * *

Когда Нэнси вернулась домой, до прихода мужа оставалось не более четверти часа.

– Рональд! – подрагивающим от напряжения голосом с порога крикнула она. – Ты уроки сделал?!

– Сделал, мамочка, – маслено отозвался Ронни. – И Энни тоже помог.

«Гаденыш!» – мысленно ругнулась Нэнси, сразу же вспомнив, отчего он такой покладистый, и кинулась на кухню. Вытащила из холодильника цыпленка, помыла, кое-как смазала его приправами и сунула в духовку. Начала быстренько строгать овощи для салата, но уже сама видела – не успевает. Приготовила десять тысяч оправданий, как вдруг осознала, что сегодня можно не торопиться. Вся городская полиция теперь там, в парке.

«Господи Иисусе, помоги!» – взмолилась она, схватила так и лежащую на стуле сумочку и помчалась в кладовку – прятать «беретту».

* * *

Бергман прибыл к школе минуты через три – еще медики не подъехали – и сразу же позвал к себе производших задержание Джимми Дженкинса и Роуз Лестер.

– Молодцы, ребята.

Полицейские расцвели.

– Оружие нашли?

Подчиненные мигом приуныли.

– Бросил, наверное, сукин сын... – предположил Джимми.

Бергман вздохнул, поощрительно похлопал его по крепкому плечу и подошел к задержанному – поставленному на колени лицом к капоту пухлому белокрысому парню. Присел на корточки, взял его за широкую шею и с усилием развернул лицом к себе.

– Куда пистолет дел?

Парня затрясло.

– Н-не было у м-меня п-пистолета.

– А бритва тебе зачем? – подошла сзади Роуз.

– Бритва? – удивился Бергман. – А ну, покажи...

Роуз протянула Бергману изысканный «бритвенный прибор», и тот понимающе хмыкнул. Рукоять любовно усилена пластиковыми плашками с выемками для пальцев, а лезвие... Бергман прищурился и усмехнулся.

– Да-а... Судя по зазубринам, ты, красавец, этой бритвой не одного человека порезал... Так?

Парень упрямо мотнул головой.

– Никого я не резал. Да и этого... вашего... кто-то другой подстрелил. А я... я помочь хотел человеку...

Копы дружно хохотнули.

– Если помочь хотел, так зачем бежал? – наклонилась Роуз.

– Испугался... – буркнул задержанный. – Чего тут непонятного?

Бергман тяжело поднялся и ободряюще кивнул Джимми.

– Продолжайте, ребята. А я, пока не увезли, с пострадавшим поговорю.

Он развернулся, дисциплинированно прошел вдоль растянутой вокруг всего парка полосатой полицейской ленты, миновал группу сбежавшихся зевак и склонился над бледным, как покойник, Тальботом.

– А я тебе говорил, доиграешься... пуэртиориканцы за такое могли тебе и член отрезать.

Псих болезненно поморщился, но промолчал.

– Кто тебя подстрелил? Видел?

– Я... не уверен... – ответил тот и снова поморщился. – Кажется, женщина.

– Женщина? – оторопело поднял брови Бергман. – Ты уверен?

– Нет, – мотнул головой пострадавший. – Я просто видел голые ноги... как из-под юбки.

Бергман язвительно усмехнулся и, прозрачно намекая на манеру пострадавшего шататься без штанов, презрительно добавил:

– Или как у тебя.

* * *

Джимми пришел довольно поздно, когда дети уже спали.

– Слышала? – с порога спросил он.

– Что? – невольно отвела глаза Нэнси.

– Этого дурака Тальбота подстрелили.

– Насмерть? – окаменела она.

– Если бы, – усмехнулся Джимми и подошел к раковине – сполоснуть руки. – В колено.

«Жаль!» – с неожиданно проснувшейся злостью подумала Нэнси. Она целилась намного выше.

– А кто стрелял? – набравшись отваги, поинтересовалась она.

Джимми язвительно хохотнул.

– Хороший вопрос! Бергман все управление собрал, чтобы это выяснить. Одного мы с Роуз, правда, задержали...

Нэнси обмерла.

– Но, похоже, Бергман его отпустит... старый пень! – с явным сожалением закончил Джимми, а затем неожиданно подошел и обнял ее. – Как ты сегодня? В настроении?

Нэнси расцвела счастливой улыбкой. Ей даже не пришлось прислушиваться к себе. Она уже часа два была в настроении и еще каком!

* * *

Начальник городской полиции Теодор Бергман прибыл в приемную мэра города Хьюго Тревиса уже за полночь.

– Докладывай, – мрачно распорядился Тревис.

Бергман подобрался. То, что мэр даже не предложил присесть, было неважным признаком.

– Ранение у Тальбота довольно серьезное, раздроблена коленная чашечка. Если не повезет, могут ногу отрезать...

– Лучше бы ему член отрезали! – раздраженно оборвал его Тревис. – Ты по делу докладывай!

Бергман прокашлялся и покачал седой, лысеющей головой. Мэр снова тревожился о своей политической судьбе, и, следовало признать, небезосновательно.

Проблемы начались, когда город, а точнее, его теневую часть, начали помаленьку захватывать колумбийцы. Уставшие работать на кондитерской и табачной фабриках за гроши колумбийские женщины все чаще становились на панель, а фамилии дерзких колумбийских парней все чаще попадали в полицейские сводки, и это еще полбеды. Город медленно, но верно становился перевалочной базой для кокаина, что притягивало к местной верхушке нездоровое внимание федеральных властей. Но главное, – и Бергман это чувствовал, – в городе повсюду назревал новый передел сфер влияния. Оценить недавнюю перестрелку итальянских и колумбийских бойцов иначе было сложно.

– Ну? – напомнил о себе мэр, и Бергман развел руками.

– Пока оснований считать, что колумбийцы хотят подвинуть итальянцев, нет.

– Агентов опросить успел? – сварливо поинтересовался мэр.

Бергман кивнул.

– Всех. Они твердят то же самое: Карлосу война не нужна. А недавняя перестрелка в карьере – просто недоразумение.

– Ничего себе недоразумение... – проворчал мэр и вдруг бросил в сторону начальника полиции испытующий взгляд. – Слушай! А это... не ты их стравить пытаешься?

Бергман старательно подавил мгновенно вспыхнувший приступ ярости.

– Вы же знаете, сэр, я закон соблюдаю. Сумею посадить – посажу, но стравливать... не мой стиль.

Мэр досадливо крикнул.

– А то смотри; мне здесь война без надобности.

Бергман понимающе кивнул. Ему самому война кичливых «латинос» с одним из самых сильных этнических кланов города была ни к чему. К тому же итальянцы все более отходили от нелегального бизнеса, а в последнее время и вовсе, как по команде, переключились на скупку автозаправок, организацию пиццерий и даже основали собственную сеть аптек «Маньяни Фармацевтик».

«Ах, если бы все шло так и дальше!» – вздохнул Бергман.

Он знал, что в рапорте этого не напишешь, но у него было чувство, будто в какой-то момент город как сглазили. Причем недавно... и теперь он постоянно ждал беды – даже не зная, откуда, просто ждал и все! И, словно подтверждая эту его мысль, мэр тоже печально вздохнул, достал из стола бутылочку коньяка и жестом пригласил присаживаться.

– Знаешь, Тедди, что-то мне в последнее время беспокойно. С итальянцами-то я сам поговорю; думаю, проблем не будет. Но вот колумбийцы... ты бы встретился с Карлосом...

Бергман непроизвольно напрягся, но тут же взял себя в руки и принял протянутую мэром рюмочку с коньяком.

– Поговори с ним лично, – продолжил мэр. – Объясни, так сказать, расклад. Чтобы до этого придурка дошло.

Бергман пригубил коньяк и задумался. Назначить встречу главе местного колумбийского клана было несложно. Вот только будет ли толк? Начальник городской полиции отлично понимал, что остановить колумбийцев на их пути к доминирующему положению в городке почти невозможно – раньше надо было действовать. И не на этом уровне. А сегодня... сегодня кокаина в сотнях подземных тайников посреди бескрайней пустыни было столько, что, случись такая нужда, его хватило бы использовать вместо цемента.

Разумеется, большая часть попадавшего в Техас кокаина была транзитной и, по данным ФБР, предназначалась для переправки на северо-восток страны – в Бостон, Филадельфию, Нью-Йорк... Но исключать то, что Карлос или кто-нибудь из его приспешников рано или поздно попытается вытеснить с местного наркорынка итальянцев, Бергман бы не стал. А это в любом случае означало войну – жуткую и беспощадную.

– Хорошо, – кивнул он. – Я поговорю с Карлосом. Но, сами понимаете, многого обещать не могу.

– А я и не хочу, чтобы ты обещал, – покачал головой мэр. – Я хочу, чтобы ты делал.

* * *

Копы отпустили Салли только в десять часов утра следующего дня, и в половине одиннадцатого, с опозданием в четыре с половиной часа он стоял перед хозяином заправки.

– Где был? – недобро поинтересовался итальянец.

– Прости, босс, – смиренно склонил голову Салли. – В Сан-Антонио к подруге ездил, а на полпути колесо спустило.

– Запаску надо возить, – недовольно проворчал итальянец. – Смотри, это в последний раз.

– Я все понял, босс, – благодарно улыбнулся Салли и кинулся наружу – протирать стекла и приносить из закусочной заказы.

Он был счастлив. Эта великолепная в своей безбожности шлюха была здесь, а значит, их встречу разделяет всего ничего, от силы пара недель. А то, что она вырвала у него из-под носа его законную добычу, лишь прибавляло ему ярости и сил, ибо ни судить, ни карать она никаких прав не имела и теперь должна была поплатиться и за это. Рано или поздно. И обязательно страшно.

* * *

Следующие три дня Нэнси была почти счастлива. Ей не приходилось более бояться хотя бы за Энни, и – бог мой! – как же она переживала за себя! Уже на следующий день после покушения на извращенца Джимми сказал ей, что место, откуда стреляли, определено идеально, и более того, следствие абсолютно убеждено, что неизвестный стрелок – женщина!

– Откуда это известно? – ощутила в животе знакомый сладостный комок из смеси восторга и ужаса Нэнси.

– Каблуки, – лаконично ответил Джимми. – Там вокруг все истоптано. Даже вес ее примерно известен – фунтов сто тридцать, как у тебя.

Экстатический комок внутри дрогнул и начал расти, распространяясь во все стороны, словно чернильное пятно на поверхности воды.

– Понятно, что эта сволочь Тальбот не хочет раскалываться! – хмыкнул Джимми. – Говорит, не видел, кто именно в него стрелял... трясогузка чертова!

Едва переступая ватными от сладкой истомы ногами, Нэнси подошла к столу и поставила перед мужем традиционного цыпленка и села рядышком – слушать. А той же ночью почувывший это ее томление Джимми снова и снова был на высоте.

Но это эфемерное счастье оказалось недолгим и нестойким. Энни от встречи с преследовавшим ее до самой школы Тальботом отходила с большим трудом. А Ронни... не прошло и двух дней, как Рональд снова ошетинился на нее – уже третий раз за последние полгода, а однажды и Джимми вернулся со службы потухший и бессильный – как обычно.

– Замучил меня этот Бергман, – мрачно сообщил Джимми. – Сам ничего сделать с этими Маньяни не может, а с меня требует.

– А что случилось?

– Кто-то старшекласника порезал, – отмахнулся Джимми. – И, главное, никто ничего не видел и не знает! Молчат, сукины дети!

Нэнси побледнела и кинула быстрый взгляд в уткнувшегося в учебники Рональда. В школе определенно что-то происходило, и Рональд наверняка совершенно точно знал, кто к этому причастен.

«Может, сказать ему о Ронни? – поджав губы, подумала Нэнси и сама же себя одернула: – Только не ему. Сама что-нибудь придумаю».

Она дождалась, когда муж сядет за стол, и тихонько присела напротив. Она уже знала, что сегодня между ними снова ничего не будет.

* * *

Ночь прошла, как один большой кошмар. Нэнси вскакивала в холодном поту, судорожно искала тапочки, а затем брела на кухню, открывала холодильник и доставала очередной пакет сока. Пила, понемногу приходила в себя и признавала, что без профессиональной помощи ей все-таки не обойтись.

Жажда отмщения, обуявшая Нэнси, едва она поняла, что у Рональда снова появились какие-то таинственные проблемы в школе, а специально поставленный на пост у школы и не могущий ничего сделать Джимми ходит по дому мешок мешком, пугала ее все сильнее.

Снова и снова Нэнси представляла себе, как она ставит машину возле магазина, идет через сумрачный заросший школьный парк, достает черную «беретту» и стреляет – неизвестно в кого, но уж точно наповал. И едва в голове гремел выстрел, она вздрагивала и приходила в себя. Становиться убийцей Нэнси не хотела.

Но главное, чем навязчивее были эти мечтания, тем сильнее она была склонна согласиться с мистером Левадовски – с ней что-то не в порядке. А когда прошла ночь и наступило утро, Нэнси, как всегда, проводила мужа на работу, а детей – в школу, выгребла все свои наличные деньги, взяла машину и поехала в Хьюстон.

* * *

До Хьюстона она добралась быстро, часа за три, но вот затем ее как застопорило, и вместо того, чтобы сразу отправиться на прием к психоаналитику, Нэнси принялась ходить по магазинам.

«Еще немного, и я иду к Левадовски, – хищно поглядывая на полки и едва удерживаясь от того, чтобы повторить однажды опробованный трюк с икрой, как заведенная твердила она. – Еще немного, и я иду к Левадовски...»

– Вам помочь, мэм? – иной раз подходил к ней продавец.

– Исчезни, – мрачно отзывалась Нэнси и почти насильно заставляла себя покинуть очередное «гнездо разврата».

Но шли часы – первый, второй, третий... – а решимости оставить это опасное занятие и сделать то, зачем она приехала, не прибавлялось. И в какой-то миг Нэнси признала, что если не сумеет заставить себя переступить порог стильного кабинета мистера Левадовски сегодня, то, скорее всего, не переступит его уже никогда.

* * *

Этот день для Скотта Левадовски сложился на удивление удачно. С самого утра пришел его вечный пациент Салли – глубоко верующий и на удивление порядочный, невзирая на необразованность, парень.

Прерывающимся от волнения голосом Салли поведал, что он наконец-то встретил женщину своей мечты, и добрых два часа Левадовски разбирал с ним отличия между этой, похоже, действительно подходящей для Салли женщиной и остальными – теми, которых он знал прежде.

– Знаете, док, – лежа на кушетке с закрытыми глазами, умиротворенно улыбался Салли, – теперь я согласен, что женщина может в себе нести загадку. Я правильно понял вашу мысль, док?

– Вообще-то, я имел в виду загадку ваших отношений с мамой, – уклончиво кивнул Левадовски и не выдержал – напомнил: – Она ведь нами так и не решена...

– Так я о том и говорю! – с жаром подхватил пациент и промокнул несвежим платком хронически слезящийся глаз. – Ведь зачем-то господь позволяет женщине нести в себе загадку?! Ведь так?

– И какой из этого вывод? – поддержал порыв пациента Левадовски.

– Главное, чтобы она в страхе божием жила! – разве что не заикаясь от волнения, выпалил пациент. – Ну, и... не гадила чтоб чересчур... Правда ведь, док?

– Продолжайте, – ободряюще кивнул Левадовски.

– Скажем, если она пытается тебя зарезать или заехать ногтем в глаз, так зачем такая женщина нужна? Мне от нее будут одни неприятности... А вот если без разрешения взяла машину, так это можно и простить... на первый случай. Можно ведь за это простить, док?

– Думаю, да, – поддержал энтузиазм христианского всепрощения Левадовски. – Продолжайте...

Салли внезапно помрачнел.

– А вот если она стреляла в кого, это уже нехорошо... не по-божески. За это рано или поздно ответить придется.

Левадовски вздохнул. Тени трудного детства преследовали его пациента до сих пор.

– А что для тебя теперь главное, Салли? – искренне заинтересовался он, одновременно грамотно уводя разговор в сторону от опасной темы.

Салли надолго задумался.

– Я думаю, док... главное, чтобы она из приличных была... ну-у... чтобы не из распоследних. Такая ведь и понять может, что была не права... и прощения попросит... в конце... Правда ведь, док?

Левадовски улыбнулся и пометил несколько строчек в своем рабочем блокноте – там, где он обычно отмечал успехи, – аккуратной галочкой.

Его любимый пациент все еще страдал явными искажениями логики, как, например, это его странное упоминание о том, что женщина может попросить прощения в конце. В конце чего? Левадовски этого не знал, но весь его опыт говорил: начни расспрашивать, навязывая непосильную для едва ступившего на путь душевного оздоровления и равновесия пациента дискуссию, и он снова закроется, как потревоженная устрица, возможно, недели на две, а то и на три.

«А так... – доктор Левадовски глянул на целый столбик аккуратных галочек, – а так, медленное, но верное исцеление налицо».

Это было непросто – выросшему в трущобах, да еще без отца Салли патологически не везло на женщин. Первая же, которой он, пусть и не без труда, рискнул предложить свое общество, в сильно нетрезвом виде порезала мальчишку горлышком от пивной бутылки, да так, что врачам пришлось наложить восемнадцать швов.

Вторая – видно, по неосторожности – ударила Салли ногтем в глаз, отчего бедный парень, и без того не избалованный женским вниманием, сделал неожиданный и научно небесспорный, но житейски оправданный вывод, что все бабы – продажны и хотят в обмен на доступ к телу только одного – денег и комфорта. А когда не получают ни того, ни другого, буквально звереют.

Конечно же, дело было не в женской продажности и даже не в распущенности. Сейчас, когда женским телом торгуют едва ли не на каждом углу, это проблема почти всеобщая. Главная беда Салли была в том, что никогда не отличавшийся ни умом, ни красотой, да еще и выросший в трущобах он и подруг себе выбирал соответствующих... Само собой, раньше или позже назревал конфликт между его моральными и эстетическими требованиями к женщинам и тем, что они могли и хотели дать ему реально.

Левадовски вздохнул. Пожалуй, только теперь, спустя много часов терпеливой работы квалифицированного терапевта, до Салли стало доходить, что женщину следует искать среди более-менее приличных слоев общества.

– Вот и все, док, – закончил рассказ пациент, и Левадовски удовлетворенно кивнул.

– Расскажите мне об этой женщине, Салли...

Пациент мечтательно улыбнулся.

– Она превосходная шлюха... в смысле, я хотел сказать, женщина, док. Как раз то, что надо.

Левадовски мысленно чертыхнулся. Несмотря на все его усилия, Салли так и не привык автоматически использовать социально приемлемые термины и постоянно срывался, именуя женщин шлюхами и тварями, невзирая ни на возраст, ни на социальное положение.

– Она красива?

– Очень, – сказал пациент.

– Умна?

Салли на секунду задумался.

– Наверное... хитрющая, это точно!

– Опрятна?

– О, да! Чистенькая шлюха. Пока я кресло тряпкой не протер, в машину не садилась.

Левадовски хмыкнул. Салли определенно многому научился, и это его, как врача, безусловно радовало.

– Так вы назначили ей свидание? – поинтересовался он.

– Пока нет, – печально вздохнул Салли. – Она всегда так быстро уходит...

– Но она знает о ваших чувствах к ней? Вы дали ей это понять?

Салли задумался.

– Думаю, да, док. И знаете, что еще... я теперь, как вы и учили, стараюсь смотреть на все, – Салли на секунду задумался и все-таки вспомнил это слово. – Ах да! С оптимизмом!

Левадовски галочкой пометил в рабочем блокноте еще один пункт и решил, что пора закругляться.

– Поясните, Салли. Что вы имеете в виду под «оптимизмом»?

Салли, не открывая глаз, хитровато улыбнулся.

– Господь мне все равно поможет. Господь ведь меня и от несправедного суда спас, и женщину эту дал, а главное, к вам привел.

Левадовски удовлетворенно крикнул и не без труда выпроводил изрядно подзадержавшегося на кушетке пациента за дверь. А потом к терапевту пришла вечно опаздывающая миссис Майлз, и он добрых два часа разбирал с ней, в чем кроется проблема ее отношения к ведению домашнего хозяйства. А потом был короткий перерыв на обед, и вот тогда, словно снег на голову, на него обрушилась эта Нэнси Дженкинс.

– Давайте попробуем еще раз, мистер Левадовски, – с трудом выдавила она. – А то мне что-то беспокойно.

Левадовски выдержал долгую, на полминуты, паузу и только тогда сменил гнев на милость.

– Хорошо, миссис Дженкинс. Только давайте без этих ваших фокусов.

Нэнси сосредоточенно прикусила губу и кивнула.

* * *

Она прилегла на кушетку и еще до того, как доктор собрался с духом, чтобы начать сеанс психотерапии, произнесла то, что ее мучало больше всего:

– Я боюсь себя, мистер Левадовски.

– А что случилось? – нахмурился терапевт.

– Недавно я стреляла в человека.

Левадовски замер. В таком ему еще не признавались.

«В полицию позвонить?»

– Убить не убила, – со вздохом продолжила Нэнси, – только ранила... но мне страшно.

Левадовски шумно глотнул.

– И... чего вы боитесь?

– Мне хочется выстрелить еще раз. А я знаю, что это грех.

Левадовски тряхнул головой и возбужденно зашагал по кабинету.

– Я так и знал...

– Что? – приподнялась на кушетке Нэнси. – Что вы знали?

– Пистолет, – резко остановился он. – Вы никогда не задумывались о том, что пистолет имеет фаллическую форму?

– Чего? – широко открыла глаза и растерянно моргнула Нэнси.

– Закройте глаза и слушайте, – властно распорядился терапевт и с воодушевлением продолжил: – Вы, а точнее, ваше детское начало, Нэнси, пытается присвоить себе типично мужские функции.

– А-а-а...

– Молчите! Я еще не кончил.

Нэнси послушно сомкнула губы и превратилась в слух.

– Так вот. В то время, как ваше взрослое начало, точно знающее о своей нормальной женской судьбе, боится и отговаривает вас от необдуманных действий, ваше детское начало до сих пор отчаянно завидует отцу и братьям, – голос терапевта все возвышался и возвышался, поднимаясь до самых патетических нот, – завидует их мужской силе, их власти и отваге, самой их фаллической природе...

Нэнси опасливо приоткрыла один глаз. Скотт Левадовски стоял к ней лицом, но ее не видел. Уставясь куда-то вверх, под потолок, он так энергично взмахивал руками, словно пытался жестами выразить всю красоту и мощь возбужденных мужских гениталий.

Она терпеливо ждала – пять минут, десять, пятнадцать, а он все говорил и говорил, все громче и громче, пока наконец его голос не возвысился почти до фальцета.

– Вам не нужно завидовать фаллосам, Нэнси! Вам нужно просто понять и принять свою женскую природу! Свою подчиненность, если хотите... и даже, я не побоюсь этого слова, свою вторичность! Только тогда вы постигнете счастье и гармонию! Только тогда!

Нэнси криво улыбнулась, а терапевт вдруг словно пришел в себя, растерянно огляделся и машинально поправил сбившийся на сторону галстук.

– Все. Приходите завтра и лучше, если прямо с утра. До свидания, миссис Дженкинс. И, кстати, вы оставили моей секретарше чек?

* * *

От мистера Левадовски, получив недвусмысленное поощрение всего, что делает, Салли вышел необычно воодушевленным. Не теряя времени, он съездил на прежнее место работы, после недолгой, но весьма экспрессивной дискуссии получил у грека полный расчет, а затем, разминувшись с новеньким «Фордом» Нэнси Дженкинс всего-то на две-три минуты, выехал из Хьюстона.

Вдоль дороги голосовали бесчисленные, разодетые во все яркое, словно канарейки, шлюхи, но Салли только улыбался и проезжал мимо. В день отгула он себе наметил дела поважнее случайных встреч.

Во-первых, следовало зайти в храм божий, а затем, с помощью и под прямым покровительством отца нашего небесного начать целенаправленное очищение указанного ему господом города от скверны. И главное: параллельно он должен был начать планомерные поиски этой блондинки.

Безмятежно напевая «Хвалу», Салли достаточно быстро миновал Сегин и Сан-Антонио, въехал в раскаленный от полуденной жары городок и сразу же отправился в храм. Долго и напряженно молился, а едва вышел из божьего дома, как сразу же увидел Знак. Смуглая – явно из «латинос», одетая в вызывающе праздничное светло-голубое платье девица стояла буквально в двухстах футах от этого святого места.

Салли перекосило, такого откровенного богохульства он не терпел. Он быстро и внимательно огляделся по сторонам. Белая от зноя улица была совершенно пуста, и вообще, на что в такой час рассчитывала эта глупая шлюха, было неясно, – разве что на исполнение предначертания своей судьбы.

«Ну, ладно... я тебе устрою...»

Он стремительно прошел к стоянке, сел в такой же раскаленный, как и весь этот город, автофургон и, утирая пот, подъехал к будущей жертве.

– Покатаемся?

– Пятьдесят баксов, – лаконично отозвалась шлюха, и Салли широко улыбнулся.

– Годится. Но делаешь все, что скажу.

Мокрая от пота девка окинула его усталым взглядом, на секунду задумалась и подошла к машине.

«Есть!» – понял Салли и, стараясь не показывать своих глаз, помог открыть помятую дверцу. Он уже придумал для нее свой, особый способ познать гнев божий во всей его мощи, но не хотел, чтобы она почувствовала это до срока.

– Садись. Ко мне поедem – там прохладнее.

В ее черных круглых глазах на миг мелькнул живой интерес.

– А душ есть?

Все так же стараясь не смотреть ей в глаза, Салли безмятежно рассмеялся и облизнул соленые горячие губы.

– Откуда в моем вагончике душ?! – он сделал вид, что задумался. – Разве что в гараж сходить – там труба... и правда, поехали в гараж... хоть ополоснемся.

Девка энергично закивала. Она была готова поехать куда угодно, лишь бы прочь из этого пекла.

* * *

То, что визит к именитому врачу снова оказался для нее напрасным, совершенно выбило Нэнси из колеи. Некоторое время она сама не своя бродила по городскому хьюстонскому парку, бессмысленно пересчитывая деревья, затем забрела в кофейню и, пытаясь привести себя в норму, пила крепчайший турецкий кофе почти до одурения.

– Фаллос... детское начало... – бормотала она себе под нос. – И почему я должна этому завидовать?

Да, она любила чувство риска, но при чем здесь фаллос ее отца? Или даже братьев...

Ответа все не было, и в конце концов Нэнси расплатилась, выбралась на горячий весенний воздух и решила, что нечего мучить себя тем, чего нет и никогда не было, а значит, пора ехать домой.

Чтобы не возвращаться из Хьюстона совсем уж без ничего, она все-таки разрешила себе зайти в магазинчик – «последний разок» и с самыми праведными намерениями. После двух часов примерок и борьбы с собой, со вздохом пересчитав нетолстую стопку двадцаток, она купила красные модельные туфли и уже собиралась уходить, как вдруг заметила тончайшее и тоже алое платье – из разряда тех, что она видела на жене губернатора штата.

По ее спине прошел мгновенный озноб. Затем ее бросило в жар, а сердце заколотилось чуть ли не вдвое быстрее. Нэнси хотела это платье, но она не хотела за него платить; она хотела его просто взять – своевольно и незаконно, так, как мужчина порой берет женщину.

«Чертов Левадовски! – раздраженно подумалось ей. – И здесь привиделся! Встречу – убью!»

А тем временем ноги уже вели ее к стеллажу, руки словно сами по себе ощупывали ткань, а глаза украдкой поглядывали в сторону собравшихся у кассы продавцов. И спустя еще пару секунд она стремительно сунула платье за пазуху и почувствовала, как по всему телу прошла сладостная томная волна.

«Господи, что ты делаешь, Нэнси?» – мелькнула запоздалая мысль, но она уже шла к выходу.

– Всего хорошего, я к вам еще заеду, – помахала Нэнси столпившимся возле кассы продавцам, обмирая от ужаса и восторга.

– Всегда будем рады, мэм, – синхронно, словно механические китайские болванчики, закивали те с фальшиво-дружественными лицами.

Нэнси медленно, растягивая удовольствие, вышла из стеклянных дверей, глубоко вдохнула прохладный вечерний воздух и застыла. Высоко-высоко в бездонном синем небе висели тонкие перистые облака, пахло свежей весенней листвой, яростно сигналили застрявшие в пробке машины, и мир был прекрасен, как в первые дни творения.

И тут ее жестко взяли под локоток.

– Не торопитесь, мэ.м.

Нэнси медленно обернулась. Рядом стоял высокий крепкий мужчина с пышными черными усами и внимательным, цепким взглядом.

– Томас Квинси, служба охраны, – представился мужчина. – Покажите мне, что у вас за пазухой.

* * *

Нэнси оставалась в шоке долго – с четверть минуты, но едва цунами, смешанное с восторгом ужаса, отхлынуло, а сознание прояснилось, уперлась – так жестко, как могла.

– А почему только за пазухой? Может, еще и в трусы заглянешь? – зло поинтересовалась она.

– Вы не заплатили за вещь, мэ, – полностью проигнорировал выпад охранник.

– Ваше удостоверение, пожалуйста, – глотнув, потребовала Нэнси.

Охранник вытащил удостоверение и аккуратно, без хамства, поднес к ее лицу.

– Вы не имеете права меня задерживать, – понимая, что это лишь отсрочка, выпалила она.

– Хотите, чтобы я вызвал полицию? – спокойно предложил ей альтернативу охранник.

– Даже настаиваю, – уверенно кивнула Нэнси.

По рассказам Джимми она хорошо помнила, что именно на этом ломается около трети охранников. Боссы не любили создавать своим магазинам известность задержаниями покупателей, пусть и вполне законными.

– Хорошо, – кивнул охранник. – Полиция, значит, полиция. Пройдемте в служебное помещение; оттуда и вызовем.

Нэнси стиснула зубы и попыталась высвободить руку. Пройти в служебное помещение означало снизить свои шансы вырваться раза в три.

– Прошу вас, мэ, – охранник стиснул ее локоть еще жестче и потащил к магазину. – Не создавайте себе ненужных проблем.

В мгновение ока Нэнси представила себе, что подумает, когда узнает о происшедшем, Джимми. Что скажут в школе Рональду и Энни... Внутри все перевернулось, а в горле застыл комок, – Энни было особенно жалко.

– Постойте... Томас, – теперь уже пытаюсь выглядеть милой, повернула она разговор в другую сторону. – Не торопитесь. Или вот что... хотите, я вам денег дам?

Охранник приостановился и недоуменно повернулся к ней.

– Вы не понимаете, мэ... Это моя работа.

Нэнси болезненно сморщилась, и перед ней вдруг ярко, до мельчайших деталей вспыхнула картина: собрание женского клуба перебивает ей кости – один год, второй, третий... а мистер Левадовски на каждой публичной лекции приводит ее в качестве примера острой и, увы, так и не преодоленной зависти к фаллосам.

– Ну как хочешь! – сквозь стиснутые зубы выдохнула она. – Только не говори потом, что я не предлагала по-хорошему.

Нэнси ухватила недоумевающего охранника за рукав, развернула «фасадом» к себе и – точь-в-точь, как она сама учила Энни, – сунула ему коленом в пах.

Мужчина охнул, выкатил глаза, и в следующий миг Нэнси выдернула руку из его клешни и рванула вниз по ступенькам магазина. На подламывающихся каблуках помчалась по тротуару, завернула за угол, к машине и забралась внутрь. Сердце отчаянно колотилось.

– Работа у него такая... – никак не попадая ключом в замок зажигания, бормотала она. – Значит, менять... работу пора!

Двигатель взревел, Нэнси выскочила на трассу и, нарушая все мыслимые правила дорожного движения и рискованно подрезая не в меру прыткую молодежь на хороших машинах, рванула так, словно уже уходила от полицейской погони. И – бог мой! – как же странно она себя чувствовала!

Содеянное в третий раз в жизни преступление словно взломало невидимую клетку и наконец-то раз и навсегда отрезало ее от нее же прежней – готовящей ужины, стирающей белье и выслушивающей жалобы. Это была свобода – и горькая, и желанная одновременно.

* * *

Бергман приехал на место убийства в четыре часа пополудни. Осторожно, стараясь не испачкать новенькие туфли, переступил через вытекшую из ворот заброшенного гаража лужу крови, подождал, пока глаза не привыкнут к полутьме, и наклонился над трупом.

– Бог мой!

Девчонке вряд ли было больше семнадцати. Она лежала на спине, раскинув руки в стороны и совсем без одежды – смуглая, стройная, может быть, даже красивая. Впрочем, утверждать это сейчас никто бы не взялся – лица практически не было: сплошная киселеобразная масса. А на животе... – Бергман склонился ниже и насторожился – это была раскрытая и уложенная обложкой вверх карманная Библия, простенькая, но неплохо изданная; из тех, что разносят по домам служители божьи.

«Странно...»

Глаза понемногу привыкли к полутьме гаража, и Бергман огляделся и невольно стиснул зубы. Разодранные клочки некогда голубого платья вперемешку с кровавыми ступками были повсюду – на бетонном полу, на облупленных стенах, на старых дощатых ящиках в углу... Девчонка явно сопротивлялась.

– Ничего не трогал? – повернулся он к замершему рядом сержанту.

– Нет, сэр, – отозвался тот. – Но мне сказали, что эксперт из Сан-Антонио уже выехал. Так что пальчики снимем. Ну... и личность попробуем установить. Пока заявлений о пропавших не поступало.

– Знаю, – кивнул Бергман. – Как думаешь... чем убили?

– Удавка... Я смотрел.

Бергман оторопел. Женщин, особенно «латинос», в этом городе убивали ежегодно, но чтобы удавкой? Он прищурился; последний раз это случилось аж в 1952 году, когда в город стали возвращаться первые ветераны корейской кампании. И убийцу тогда так и не нашли.

Ему стало нехорошо.

– А где этот мальчишка, который ее обнаружил?

– В соседнем боксе. Проводить?

Бергман кивнул и, переступая через кровь, прошел вслед за сержантом. На несколько секунд вынырнул в пекло дня и тут же с облегчением погрузился в полутьму соседнего, такого же запущенного бокса.

Мальчишка – чернявый и курчавый, лет десяти – сидел на поваленной набок столитровой бочке и немного испуганно таращил глаза.

– Это ты ее нашел?

– Угу.

– Кого-нибудь рядом видел? Людей, машину... хоть что-нибудь?

– Не-а... – мотнул головой мальчишка. – Но я думаю, это кто-то из клиентов платить не захотел.

– Чего-о?! – оторопел Бергман.

– Это же Мария, – пожал плечами мальчишка. – Она на Карлоса работает. Ее все в нашем квартале знают.

Бергман схватился за сердце.

– Че-орт! Этого мне еще не хватало!

Как раз сегодня, когда он должен был встретиться в девять вечера с Карлосом и рассчитывать на установление, пусть и временного, мира между группировками, убийство проститутки могло отрицательно повлиять на переговоры. О том, что кто-то в полицейском управлении регулярно сливает Карлосу чуть ли не треть оперативной информации, Бергман знал.

Он повернулся к сержанту.

– Значит, так. Эксперты пусть работают, но уголовного дела до девяти вечера не регистрировать. А мальчишка... – Бергман глянул в сторону сидящего на бочке болтающего ногами единственного свидетеля, – мальчишку поддержи здесь, а потом с собой возьми. И никуда от себя не отпускай.

– А что мне с ним делать? – возмутился сержант.

– В кино своди! – огрызнулся Бергман. – А ровно в девять отвезешь домой.

– Э-э! Вы чего такое говорите?! – возмутился малый. – Я еще с легавым в кино не ходил!

– Потерпишь! – оборвал его Бергман. – Дотерпишь до вечера без капризов, он тебе доллар даст.

Сержант крикнул, но промолчал.

* * *

Нэнси остановилась только у дешевого придорожного мотеля рядом с таким же дешевым, но с претензией на роскошь казино и небольшим рестораном – страшно хотелось есть. Припарковала машину, прошла в ресторан, пересчитала оставшиеся деньги и заказала салат и хорошо прожаренный бифштекс с зеленью.

Она вовсе не была уверена, что здесь хорошо готовят. Судя по яростной ругани, которой осыпала официантку занявшая соседний столик толстая тетка с тремя подбородками и огромными безвкусными сережками в мясистых ушах, то, что здесь готовят, есть вообще невозможно.

Нэнси немного подумала и попросила принести красного вина – запить, если еда окажется совсем уж несъедобной.

– Мэм останется в мотеле? – поинтересовался юный, до неприличия вертлявый официант.

– Не твое дело, малыш, – обрезала она мальчишку. – Лучше проследи, чтобы мясо хорошенько прожарили. Или нет! Стой...

До Нэнси вдруг дошло, что она всю жизнь придерживалась одних и тех же привычек.

– Бифштекс принесешь с кровью.

– Как скажете, мэм, – нагло улыбнулся официант.

Нэнси проводила его недовольным взглядом и стала есть салат. В ней что-то происходило, но пока она и сама не смогла бы сказать, что. Лишь одно Нэнси знала точно: она – настоящая – вовсе не та, кем ее видит ближайшее окружение.

Все они, включая именитого доктора Скотта Левадовски, были уверены, что Нэнси должна ходить по субботам в женский клуб, а по воскресеньям – в протестантскую церковь. Они знали, что миссис Дженкинс обязана быть примерной женой для давшего ей свою фамилию Джимми Дженкинса, вкладывая в это понятие необходимость ежевечерне ставить ему на стол цыпленка, а затем выслушивать его нытье. И они бы точно не позволили ей хранить в коробке из-под обуви черную, тяжелую «беретту», мстительно дразнить озабоченных водителей и бить мужиков коленом в пах.

Вертявый официант принес бифштекс, и Нэнси осторожно разрежала его пополам и подумала, что самое большее, что они готовы ей позволить, – это есть бифштекс с кровью. Вот такой, как сейчас.

Она аккуратно отделила сочащийся красным кусочек и осторожно положила его в рот. С минуту пожевала и равнодушно пожала плечами: ничего особенного – сырое оно и есть сырое.

«А некоторые говорят, вкусно...»

Она всегда прислушивалась к тому, что ей говорят, и, как результат, вся ее жизнь так и осталась какой-то «недожаренной», что ли... – вот, как это мясо.

Нэнси отодвинула тарелку, задумчиво подняла бокал с ароматным красным вином и только теперь сообразила, почему официант решил, что она останется в мотеле, – она была за рулем.

«Да и черт с ним! – подумала Нэнси и пригубила запретного напитка. – Пока со всем этим не разберусь, никуда отсюда не тронусь!»

* * *

Номер мотеля, который сняла Нэнси, а по сути, малюсенькая комнатенка с душем за тонкой фанерной дверцей оказалась такой же убогой, как и весь этот мотель. Хуже того, прямо напротив ее номера – дверь в дверь – шумно орала на горничную та самая толстая тетка с тремя подбородками и огромными безвкусными серьгами в мясистых ушах.

Нэнси провела рукой по вытертому одеялу, разложенному на поцарапанной деревянной кровати, зашла в душевую и, пустив воду, с минуту наблюдала за тем, как еле теплая светло-коричневая от ржавчины вода постепенно превращается в прозрачную, потом быстро разделась и скользнула в душ.

Долго стояла, подставив лицо под ритмично бьющие струи, а затем провела тонкими красивыми пальцами по своему сильному, гладкому телу и замерла.

У нее так и не было ни одного мужчины, кроме Джимми, – ни до, ни после. И сегодня она, пожалуй, впервые не стала гнать от себя мысль о том, что, может быть, это было ошибкой. За свою относительно долгую жизнь она повидала немало женщин – и самых строгих, и вполне даже легкомысленных, и сегодня, с высоты своих тридцати двух лет уже не взялась бы утверждать, что вторые хуже первых. Или несчастнее. Для Маргарет, например, Бергман стал уже третьим и снова неофициальным мужем, но более достойной женщины во всем городе было не сыскать.

А что останавливало ее саму? Нэнси задумалась и уверенно кивнула: чужой страх. Она жалела Джимми, Рональда, маму, соседей – всех этих людей, боящихся украсть из магазина роскошное алое платье – кстати, надо померить – и, само собой, и в мыслях не допускающих, что психопату Тальботу можно просто прострелить колено, и проблема будет надолго решена. Они даже в казино не ходили, и не потому, что им чужд был азарт, – в картишки в этом городе играли все, – нет, они просто боялись чужого недоброго слова, греха, а может быть, и самих себя.

«Но ведь и я себя побаиваюсь, – еще раз признала очевидное Нэнси. – И что мне теперь делать?»

Она выключила воду, обтерлась большим махровым полотенцем и, как была, без ничего, подошла к окну. Там, внизу, стояли несколько дорогих машин.

«Завсегдатаи здешнего казино», – машинально подумала она и тут же поняла, что, как бы ни сложилась ее жизнь, она должна узнать, чего стоит на самом деле.

– И чего стоите вы все.

* * *

Платье оказалось не просто роскошным. Нэнси стояла перед старым, большим, в рост, зеркалом и не узнавала себя. Из зеркала на нее смотрела совсем еще молодая, красивая и очень самоуверенная особа. Неплохо смотрелись и туфли, хотя... Нэнси попыталась определить, что не так, и вскоре поняла, что прекрасно сочетающиеся по цвету с платьем туфли были хороши, но не роскошны. И это вносило свой диссонанс в гармонию образа.

– Хор-роша чертовка! – удовлетворенно цокнула она языком и полезла в сумочку – считать оставшуюся наличность. Пересчитала и приуныла: сорок семь долларов.

«А ведь я стою больше...» – мелькнула не слишком достойная для верующей женщины мысль.

Она попыталась отогнать ее, но мысль возвращалась и возвращалась, пока она не осознала, почему. Та, что отражалась в зеркале, не могла быть воспитанной в глубокой вере протестанткой.

– Шлюха, – вслух и очень осуждающе произнесла Нэнси и тут же улыбнулась. Сегодня это слово ее не пугало; оно вообще не имело никакого отношения к жизни, так же, как врезавшийся в память еще со школьных времен термин «конгруэнтность». Это было просто слово – красивое и бессмысленное, как психотерапия по Фрейду или речь губернатора на собрании женщин-патриоток.

– Я вам покажу, что такое настоящая конгруэнтность, – демонически рассмеялась она и, гордо тряхнув прической, вышла из номера.

* * *

Нэнси прошла в игорный зал и, подрагивая от греховности того, что собиралась делать, обвела его глазами. Там, в центре зала, стояли большие зеленые столы, красивые, как все по-настоящему запретное, а рядом нахально подмаргивали ей маленькими электрическими лампочками внутри раскрашенные игровые автоматы. Она прокашлялась и начала с автоматов. Кинула жетон и выиграла десять, кинула еще один и снова выиграла – пять... В животе сразу потеплело.

«А Джимми говорил, что выиграть у «однорукого бандита» невозможно», – пронеслось в ее голове.

Она сгребла жетоны в ладонь и, то ли преодолевая, то ли подогревая сладостное тянущее ощущение в животе, поменяла их у кассира на фишки и переместилась к покерному столу. Встала рядом с той самой толстой теткой с тройным подбородком и грузным лысоватым мужчиной в больших темных роговых очках, горделиво поставила стопку фишек – все, что было, – и приняла карты.

– Тоже любите это дело? – вскользь поинтересовался мужчина.

– Вы это мне?

– Конечно, Нэнси. Кому же еще?

Мужчина повернулся к ней, и Нэнси словно оборвалась в пропасть.

– Вы?!

За большими темными очками глаз видать не было, но эта улыбка могла принадлежать только одному человеку – самому прямому и непосредственному начальнику ее мужа – Теодору Бергману!

– Не знаю, что и сказать, мистер Бергман, – механически перебирая карты и холодея от предчувствий, пролепетала она и вдруг разозлилась – на саму себя и, стиснув зубы, враждебно процедила: – Не я одна.

– Верно... – миролюбиво вздохнул Бергман. – Я вот... тоже. В городе, сами понимаете, нельзя. Так я сюда приезжаю. Тайком.

Они переглянулись и дружно прыснули. Несмотря на разницу в общественном статусе, им обоим было нельзя здесь находиться.

– Смотрите, а вы ведь выиграли, – заинтересованно блеснул очками Бергман.

Внутри у Нэнси дрогнуло, и она торопливо сгребла фишки к себе. Сказать так сразу, сколько здесь, она бы не смогла, но уж на новые туфли – к этому платью – точно хватало.

Бергман глянул на массивные наручные часы и улыбнулся.

– Приятно было встретиться, Нэнси... и, кстати, как насчет того, чтобы как-нибудь навещать меня и Маргарет?

– Мне? – растерялась Нэнси. – К вам?

– Конечно. Маргарет о вас очень высокого мнения, – кивнул шеф полиции и вдруг словно вспомнил: – Ах, да! Разумеется, с мужем... С нас барбекю, с вас пиво... посидим...

Нэнси ошарашенно хлопнула ресницами и тут же зарделась. Пиво с Бергманом! Для Джимми это был шанс – и какой!

Шеф городской полиции встал из-за игорного стола, развернулся, чтобы уйти, как вдруг приостановился и снова улыбнулся – мягко и неожиданно застенчиво.

– Только не говорите никому, где мы... повстречались. Пусть это будет нашей маленькой тайной. Договорились?

Нэнси, безоговорочно соглашаясь, замотала головой. Она уже видела за этой просьбой встречное обещание молчать.

* * *

Встреча с Нэнси Дженкинс оказалась для Бергмана полной и достаточно неприятной неожиданностью. Украдкой оглянувшись в сторону игорного зала, он прошел мимо уже четвертый год работающего на полицию портье мотеля и поднялся на второй этаж. Прошел до конца коридора, повернул направо и требовательно постучал.

– Кого там черти несут? – недовольно проворчали изнутри.

– А ты что, сам не видишь? – недовольно проворчал Бергман. Он прекрасно знал, что прямо сейчас, в эту самую секунду его рассматривают в потайной, вмонтированный в стену рядом с дверью «глазок».

Дверь нешироко распахнулась, и начальник полиции быстро скользнул внутрь. Неторопливо, по-хозяйски огляделся и недовольно цокнул языком. Несмотря на царящий в номере полумрак, он уже видел, что Карлос не пришел. А это был дурной знак.

– Не уважает... – осуждающе покачал Бергман головой.

– Не в этом дело, капитан, – привстал навстречу невысокий худенький человек. – Просто Карлосу доложили, что в вашем городе итальянцы всех за штаны держат. А ему, сами знаете, рисковать не с руки.

– Ты что несешь, Рикки? С какой бы это стати полиция под итальянцев легла? – искренне удивился Бергман. – Двадцать лет сажать, а потом вдруг на поводок? Видно, плохо еще Карлос меня знает...

– Все одно, осторожность не помешает, Тедди, – показал гостеприимным жестом на кресло рядом с собой колумбиец. – Присаживайся. Я с тобой за Карлоса поговорю.

Бергман сокрушенно покачал головой и присел. Он никогда не любил разговаривать с человеком вот так, через посредника – ни глаз не увидишь, ни рук... А сейчас, в преддверии войны кланов, такие, с позволения сказать, «переговоры» были, как перебежавшая дорогу черная кошка, крайне нежелательной приметой.

– Я тебе сразу скажу, Тедди, – опершись руками в колени, доверительно наклонился вперед колумбиец, – эта перестрелка в карьере – просто недоразумение. Молодняк сцепился.

– Знаю, – деловито кивнул Бергман. – Иначе бы мы с тобой у меня в управлении говорили.

– Но если они на наших дернутся...

– Главное, чтобы вы сами не дергались, – жестко вставил Бергман.

– Если они дернутся, – упорно продолжил колумбиец и вдруг криво усмехнулся, – Карлос велел тебе передать, что мы терпеть не будем.

– Ты, Рикки, лучше не улыбайся, – сурово осадил его шеф полиции. – Это не смешно. И внимательно послушай, что я тебе скажу. И все, что услышишь, Карлосу слово в слово передай.

Колумбиец напрягся, хотя этой своей усмешечки не убрал.

«Смейся, сволочь, смейся, – подумал Бергман, – сейчас я тебя на место поставлю...» – и перешел к делу.

– Итальянцам мы все разъясним. Доступно. Так что с их стороны претензий быть не должно.

– Гарантируешь? – язвительно поинтересовался колумбиец.

– Нет. Я гарантирую только одно: кто в дело ввяжется, того и загребнут. Надолго, – серьезно разъяснил ситуацию Бергман. – И Карлоса это в первую очередь касается – похоже, что слишком уж долго на воле он ходит...

Рикки продолжал улыбаться, но вот в глазах у него читалось совсем другое. Передать Карлосу все, сказанное начальником полиции, слово в слово означало серьезно рисковать, а не передать он не мог.

– Ну и что ты сделаешь? – отчаянно пытаюсь спасти лицо – даже не перед полицейским – перед Карлосом, когда тот потребует отчета о встрече, напряженно развалился в кресле Рикки. – У нас все чисто, а наркотой мы в этом городе не торгуем. Сам знаешь, это все итальянцы.

– Насчет наркоты я в курсе – не новичок, слава богу. Но если стрельба начнется, ждите ФБР, – твердо пообещал Бергман. – Замазывать не стану.

Рикки замер. Бергман мог организовать визит фэбээровцев, и опасность была реальной. Но колумбиец знал и другое: ни мэр, ни тем более губернатор со своей кликой вмешательства центральных властей в свои дела не любят, и Бергману обращения в ФБР поверх их голов не простят.

– Блефуешь, – мотнул головой Рикки.

– Нет, – цокнул языком Бергман, – не блефую. И мой совет Карлосу: пусть головой думает, прежде чем кого замочить. Не те времена...

Видит бог, он не хотел, чтобы разговор повернулся так жестко, и, приди Карлос на эту встречу лично, это означало бы его готовность к мирным переговорам, и шанс на сохранение относительного нейтралитета был бы намного выше. Но сегодня Бергману не везло – Карлос не пришел.

* * *

То, что в лице Бергмана ее осенил знак самой Фортуны, Нэнси поняла почти сразу – как только дважды подряд сняла банк. Млея от предвкушений, тихо-тихо, чтобы не спугнуть этого странного чувства внутри, она переместилась к рулетке и так же тихо поставила все свои фишки на черное.

И выиграла!

Тогда она поставила на красное. И снова – выигрыш. Категорически запретив себе даже думать о том, как она потратит все эти деньги – на белье, на туфли, на костюмчик для Рональда, она ставила и ставила, на цвет, на цифры, на сочетания... и каждый раз это оборачивалось очередной победой и пьянящим до полубесчувствия всплеском безумного восторга.

Ее с детства пугали рассказами о молодых людях с нетвердой верой, сначала закуривших сигарету, затем согласившихся выпить вина и в конце концов проигравших чертям в карты свою бессмертную душу. Темными зимними вечерами эти рассказы действовали особенно сильно. Она представляла себе этих красивых – непременно красивых! – молодых людей, чьи лица по мере падения медленно, но верно превращаются в застывшую гримасу порока.

Нэнси до сих пор помнила, как в финале рассказа, когда черти дружной разбойничьей шайкой тащили грешника в ад, по ее телу пробегала нервная дрожь ужаса. Но вот что странно, само приводящее к такому финалу падение души воспринималось ею в детстве совсем иначе.

«Гре-хо-па-де-е-ение...» – мысленно проговаривала она и почему-то с необыкновенной ясностью представляла себе прыжок с протянутого над их речушкой подвесного моста – и страшно и сладостно.

– Вам сегодня везет...

Нэнси вздрогнула, обернулась и застыла. За ее спиной стоял мужчина – высокий, красивый, с аккуратным пробором темных сильных волос и твердым волевым подбородком. Он был настолько красив, что вполне мог служить иллюстрацией к ее детским мечтаниям о молодом человеке, когда-то начавшем со стакана вина и сигареты.

– Мне всегда везет, – с независимым видом усмехнувшись, соврала она и вдруг поняла, что на этой фразе ее везение и закончится. По крайней мере, в игре.

«Дура!» – мысленно ругнулась Нэнси и сгребла в кучу выигранные фишки.

– А вот мне в игре... как-то не очень... – мило улыбнулся мужчина. – Поэтому и не играю.

– Правильно делаете, – буркнула Нэнси и не выдержала – все-таки бросила в него – последний разок – быстрый вороватый взгляд.

Он и впрямь был хорош и выгодно отличался от полного, невысокого, белобрысого и уже лысеющего Джимми.

– Я, знаете ли, здесь проездом, – снова подал голос мужчина. – Через пару часов снова в путь. А тут такая удивительная женщина. Вы... позволите вас угостить?

Нэнси обмерла. Ее клеили – нагло и беспардонно.

– Я понимаю, что это бестактно, – поймав ее взгляд, немного отступил мужчина.

– Вот именно, – скорее по привычке буркнула она и вдруг испугалась, что на этом все и закончится.

– И все-таки...

Нэнси стояла перед ним в своем роскошном алом платье с полными фишек прижатыми к животу руками и чувствовала себя дура душой – почти как у Левадовски на кушетке.

«А, собственно, какого черта? – мелькнуло в голове. – Сколько можно бояться?»

– Меня зовут Арчи, и я жду вас возле бара, – улыбнулся мужчина. – Приходите.

* * *

В кассе ей выдали довольно толстую стопку сотенных бумажек, и Нэнси совершенно ошалела. Она никогда в жизни не держала в руках столько денег одновременно – все, что было дорогого в ее доме, покупалось или в кредит, или по частям и уж в любом случае не ею лично. Джимми вообще предпочитал выдавать ей ровно столько денег, сколько действительно нужно – с его точки зрения.

Вспомнив это, Нэнси разозлилась, решительно сунула деньги в сумочку и повела вокруг себя хмельными от приступа злости и возбуждения глазами. Несколько секунд размышляла и

нетвердой походкой тронулась по направлению к бару. Подошла и присела рядом с неожиданным поклонником.

– Куда едешь, Арчи?

– В Аризону, – коротко ответил тот, властно шелкнул пальцами, подзывая молоденькую смазливую барменшу, и внимательно и серьезно заглянул Нэнси в глаза. – Вы что предпочитаете?

Нэнси прищурилась. Держался Арчи что надо – уверенно, но без хамства.

«Вы изменяли мужу, миссис Дженкинс?» – пронеслось в ее голове смутное воспоминание о нависающем над ней, словно ангел мщения, Скотте Левадовски, и она решительно тряхнула головой, отмечая это не столько жуткое, сколько мерзкое наваждение.

– Так что вам заказать? – ждал ответа мужчина.

– «Маргариту», пожалуйста, – торопливо выпалила она и тут же поняла, что впервые за много лет рассматривает идею измены мужу всерьез.

Барменша поставила на стол два коктейля, Арчи развернулся к Нэнси вполоборота и начал что-то говорить – о себе, о людях, о важности внутренней человеческой свободы... а она смотрела на него, пыталась представить себе, как это с ним будет, и чувствовала, как внутри все екает и проваливается от ужаса предстоящего грехопадения. Неизвестно почему, но она твердо знала, что сегодня пойдет до конца.

«Надо быть готовой. Где бы это ни случилось».

– Подожди меня, Арчи, – строго и одновременно обещающе положила свою ладошку на его крепкую руку Нэнси. – Я скоро вернусь.

Арчи понимающе кивнул, и Нэнси, все еще плавая в розовом облаке переполняющих ее ощущений, прошла в туалет и нырнула в кабинку. За хилой дощатой перегородкой без умолку болтали забежавшие выкурить сигаретку крупье и официантки, входили и выходили – быстро «попудрить носики» – разновозрастные дамы, а она думала.

Мама всегда говорила ей, что брак – это навсегда. А когда ей стукнуло сорок семь, отец хлопнул дверью и ушел из семьи – даже не к женщине, просто ушел. То же самое говорила и бабушка, но Нэнси совершенно точно знала, что и в ее жизни тоже кроется свое «белое пятно». В 1914 году дед куда-то исчез и появился лишь через два года, и где он был все это время, детям не объясняли.

«А что ждет меня?»

Джимми уже сейчас был от нее довольно далеко.

– Ты обратила внимание? – громко хохотнула за перегородкой невидимая отсюда женщина. – Арчи новую корову подцепил.

«Барменша», – сразу определила Нэнси и насторожилась.

– Это которая вся в красном? – отозвался второй, более зрелый голос. – Интересно, сколько он у нее выдоит?

Нэнси растерянно моргнула.

– Сколько бы ни выдоил, а с нами не поделится! – зло рассмеялась первая. – Только чаевые...

Нэнси невольно оперлась о стенку, дождалась, когда голоса удалятся, и сама не своя выбралась из кабинки. Подошла к умывальнику и заглянула в зеркало. Из глаз катились крупные, с горошину слезы.

* * *

Со слезами она управилась быстро, но вот придать лицу прежнее беззаботно-мечтательное выражение провинциальной простушки оказалось непросто. Лицо попеременно выглядело то растерянным, то злым, то яростным, но уж никак не беззаботным.

«Ублюдки! – дышала ненавистью она, даже не отдавая себе отчета, почему называет Арчи во множественном числе. – Вот ублюдки!» А потом взяла себя в руки и приказала себе настроиться. Сунула сумочку с деньгами под мышку, гордо подняла подбородок и решительным шагом тронулась к выходу. Стремительно прошла к бару и уселась рядом со своим прекрасным ухажером.

– Заказать что-нибудь еще? – ласково улыбнулся Арчи.

Нэнси торопливо отвернулась, а потом наклонилась к его уху, так, чтобы Арчи не увидел ее лица, и с придыханием прошептала:

– Разве что в номер.

* * *

Они покинули бар почти сразу, и Нэнси уже рисовала себе самые страшные картины возмездия, представляя чертова мерзавца в самых унижительных и болезненных положениях, какие только могла вообразить. Но лишь у стойки портье к ней пришло настоящее решение – само собой.

Нэнси принялась рыться в сумочке, вытащила целую пачку денег, а потом сунула портье сотню и, не дождавшись, когда он ее возьмет, отпустила.

Сотенная зеленая бумажка осенним листком скользнула куда-то под стойку, но портье даже не дрогнул и только преданно улыбался, якобы ожидая распоряжений. И тогда она выпустила из рук всю пачку.

Портье рухнул на колени и кинулся собирать хрусткие зеленые купюры, а она схватила с доски ключ с тяжеленным брелоком, рывком забрала то, что сумел собрать разогнувшийся портье, и, уцепившись за локоть красавца Арчи, стремительно двинулась к лестнице. Взлетела на второй этаж, быстро провела его по пустынному коридору и повернулась к двери – точно напротив двери своего номера. Сунула ключ, повернула, вошла в точно такой же, как у нее, но «зеркально» развернутый номер, и, едва Арчи попытался включить свет, положила ладошку ему на плечо.

– Не надо, Арчи. Пусть все будет как есть.

Тот шумно вздохнул.

– Давай в душ, а я постель расстелю, – по возможности мягким тоном распорядилась она. – У меня тоже не слишком уж много времени.

Арчи вздохнул еще шумнее и начал раздеваться. Скинул пиджак, затем расстегнул и стянул с себя брюки, и Нэнси с некоторым сожалением отметила, что фигура у него – то, что надо. И тут же перед ней возникло исполненное значительности видение Левадовски с растопыренными, как у рыбака, в разные стороны руками и исполненным восхищением перед фаллической мощью мужчины лицом.

– Давай помогу, – отгоняя навязчивый и от этого еще более неприятный призрак имени того психотерапевта, предложила она и расстегнула пуговицы белеющей в полутьме рубашки. Но едва Арчи двинулся в душ, нежно схватила его за широкое запястье. – Все снимай... все. Я хочу видеть.

Арчи удивленно хмыкнул и подчинился. Ничего не стесняясь, он снял плавки и носки и, поигрывая мускулами и явно гордясь своей действительно замечательной фигурой, тронулся к душевой. Включил свет, зашел, регулируя температуру воды, принялся скрипеть барашками кранов, а едва до Нэнси донесся шум воды, она сорвалась с места. Мгновенно собрала в кучу и сунула под мышку всю его одежду, схватила остро пахнущие чужим мужиком туфли, неслышно выскользнула в коридор и тихо-тихо повернула ключ.

– Ну вот и все, Арчи, – шепотом выдохнула она. – Прелюдия кончилась. Теперь начнется любовь!

* * *

Зажав скомканные вещи под мышкой, Нэнси повесила ключ обратно на доску, стремительно шмыгнула в женский туалет и запихнула тряпье в бачок для мусора. Быстро и решительно прошла в игорный зал и отыскала взглядом хозяйку номера. Тучная, с тремя подбородками дама все еще пыталась выиграть в покер, но по лицу было видно – не везет.

Нэнси подбежала к ней и склонилась к обремененному гигантской серьгой уху.

– В вашем номере вор.

Тетка вздрогнула.

– Советую немедленно вызвать управляющего и полицию, – прошептала Нэнси. – Он может быть опасен.

Тетка побагровела и немедленно поднялась из-за стола. Торопливо собрала оставшиеся фишки и бегом, трясая необъятным телом, помчалась к стойке портье. Нэнси проводила ее внимательным взглядом, двинулась к выходу, а когда вышла под черное звездное небо, удовлетворенно вздохнула. Ей нравилось, как прошел сегодняшний день, – весь, от начала и до конца.

* * *

Замерший в начале коридора Бергман терпеливо дождался, когда Нэнси выйдет из казино, и спокойным уверенным шагом прошел в подсобное помещение администрации. Сдержанно кивнул настороженно привставшему управляющему, жестом распорядился очистить помещение, поднял телефонную трубку и быстро набрал номер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.